Генри Тимберлейк

Истинное и удивительное повествование о путешествиях двух английских паломников

Перевод, предисловие и комментарии
Василия Чернова

Корректура Артема Борисова

Фонд переводов христианского наследия
Москва
2026

Оглавление

Тимберлейк и первые протестантские паломничества в Святую Землю: предисловие к русскому переводу путевых заметок английского путешественника 2
Истинное и удивительное повествование о путешествиях двух английских паломников 6
Глава I: Введение и путешествие по Египту (9–13 марта 1601 года) 6
Глава II: Аравийская пустыня (13–21 марта 1601 года) 8
Глава III: Путь через Палестину к вратам Иерусалима (21–25 марта 1601 года) 9
Глава IV: Заточение и чудесное избавление (25 марта 1601 года) 10
Глава V: Святые места внутри Иерусалима и поездка в Вифанию (26–27 марта 1601 года) 12
Глава VI: Спуск с Елеонской горы и осмотр горы Сион (27 марта 1601 года) 15
Глава VII: Внутри городских стен и поездка в Вифлеем (27–28 марта 1601 года) 18
Глава VIII: Ночь внутри храма Гроба Господня (28–29 марта 1601 года) 21
Глава IX: Географические аналогии и состояние страны (29–31 марта 1601 года) 23
Глава X: Путь через пустыню и возвращение (31 марта — 11 апреля 1601 года) 27

Тимберлейк и первые протестантские паломничества в Святую Землю: предисловие к русскому переводу путевых заметок английского путешественника

Публикация первого русского перевода сочинения английского купца и мореплавателя Генри Тимберлейка вводит в русскоязычную среду ключевой памятник одной из самых переломных эпох в европейской истории. Тимберлейк писал в момент, когда традиционное средневековое паломничество, определявшееся поиском сакрального опыта, начало уступать место практике путешествий нового времени. Реформация десакрализовала само географическое пространство. Для протестантского интеллектуала и коммерсанта рубежа XVI–XVII веков Иерусалим перестал быть трансцендентным центром мира и превратился в историко-географический объект, требующий рационального осмысления.

Однако этот процесс секуляризации сознания и зарождения раннего ориентализма протекал в условиях конфессионального противостояния. Оказываясь в Палестине, протестантские авторы неизбежно попадали в ловушку: их новое, рациональное видение мира должно было сосуществовать со средневековыми паломническими практиками, которых придерживались местные христиане и которым покровительствовали османские власти, видевшие в паломниках источник дохода. Здесь, на Востоке, Реформации словно не было, так что турки без колебаний относили всех жителей Западной Европы к ведению местной католической миссии. Именно на стыке этого вынужденного прагматизма и идеологического давления формировался уникальный опыт первых протестантских паломников, отраженный в сочинении Тимберлейка.

Генри Тимберлейк принадлежал к числу тех предприимчивых и бесстрашных коммерсантов, которые служили главной движущей силой торговой экспансии Англии на рубеже XVI–XVII веков. Известно, что он являлся членом Левантийской компании, учрежденной в 1592 году для развития английской торговли с Османской империей, а также участвовал в работе Ост-Индской компании и Вирджинской компании.

Эпоха, в которую Тимберлейк совершал свои плавания, характеризовалась постепенным ростом английского присутствия в Средиземноморье. До 1570-х годов англичане были редкими гостями в левантийских портах. Ситуация изменилась с развитием коммерческой деятельности и установлением официальных дипломатических отношений между Англией и Османской империей. Кульминационной точкой биографии Тимберлейка как писателя стало путешествие в Иерусалим в 1601 году. Находясь на борту английского торгового судна «Троянец», Тимберлейк выполнял рейс в Александрию Египетскую. Кроме коммерческого груза, принадлежавшего Левантийской компании, на корабле находилось множество пассажиров, путешествовавших по своим делам. Среди них была группа «мавров» — арабов или берберов, севших на корабль в Алжире, часть из которых следовала в Мекку, чтобы совершить хадж. Эти мусульманские паломники имели запас времени, ведь хадж в 1601 году приходился на начало июня. Один из этих «мавров», имя которого так и осталось неизвестным, позже несколько раз окажет Тимберлейку неоценимую помощь и, возможно, спасет ему жизнь.

В Египте «Троянцу» предстояло несколько недель ожидания. Его груз должны были доставить вглубь страны по Нилу, а в ответ прислать местные товары. Это и позволило Тимберлейку с другим англичанином, Джоном Барреллом, совершить путешествие в Святую Землю. Из Александрии они отправились в Каир, а 9 марта 1601 года покинули этот город и в Белбейсе присоединились к каравану, который следовал в Дамаск, проходя по пути через османскую Палестину. В день Благовещения Пресвятой Богородицы, 25 марта 1601 года по юлианскому календарю — а по этому календарю в то время жили не только православные народы, но и англичане, — они оказались у стен Иерусалима. Здесь и начались главные приключения двух англичан, описанные Тимберлейком. Благополучно вернувшись на родину,

Тимберлейк в 1603 году опубликовал отчет о своем путешествии. Книга имела большой успех, выдержав множество переизданий.

Дальнейшая судьба Генри Тимберлейка после возвращения из Леванта была не менее интересной, чем его приключения на Востоке. В 1612 году он стал пайщиком Компании лондонских купцов-предпринимателей по открытию Северо-Западного морского пути. Тимберлейк также активно участвовал в работе Ост-Индской компании и пересек Атлантический океан, побывав в Северной Америке. Кроме того, он инвестировал средства в Вирджинскую компанию и владел земельными долями в Вирджинии и на Бермудских островах. В конце жизни Тимберлейк проживал в Хэмпшире, в Титчфилде, где скончался в сентябре 1625 года. Интересно, что потомки английского путешественника унаследовали его тягу к приключениям. Один из них, которого также звали Генри Тимберлейк (1730–1765), возглавил научно-дипломатическую экспедицию по Северной Америке, известную в истории как «Экспедиция Тимберлейка».

Чтобы понять специфику путевых заметок Тимберлейка, необходимо принять во внимание формировавшуюся в тот момент новую традицию путешествий в Святую Землю. Средневековые «хожения» в Иерусалим носили подчеркнуто религиозный, почти обрядовый характер. Западноевропейский пилигрим отправлялся в путь ради стяжания духовных заслуг, отпущения грехов, поклонения реликвиям и участия в церковных священнодействиях. Физическое соприкосновение со святыней и получение индульгенций, связанных с посещением библейских мест, были главными целями путешествия.

Реформация полностью разрушила эту систему. С протестантской точки зрения, сама идея материальной святыни и сакрального пространства была отвергнута. Поклонение иконам, мощам и иным реликвиям стало трактоваться как «суеверие» и «идолопоклонство». Индульгенции и заслуги были объявлены папским обманом. Традиционное паломничество в таких условиях утратило всяческий смысл. Что до протестантской Англии, то здесь путешествие как таковое — если, конечно, оно не было продиктовано торговлей или иной сугубо рациональной необходимостью — рассматривалось как подозрительное занятие, во время которого поведение человека не контролировалось обществом. Вернувшийся путешественник должен был детально отчитаться о своем поведении на чужбине, чтобы доказать, что его верность протестантской вере осталась непоколебимой. По этой причине английские путешественники начала XVII века были вынуждены облекать свои впечатления от посещения Святой Земли в антикатолическую риторику, чтобы удовлетворить ожидания читателей на родине и обезопасить собственную репутацию.

Первым протестантским паломником, оставившим описание своего путешествия в Иерусалим, стал швейцарец Даниэль Эклин (Ecklin), посетивший Святую Землю в 1550-х годах. Первым английским протестантом, посетившим Иерусалим и оставившим об этом подробные путевые заметки, стал знаменитый путешественник Файнс Морисон (Moryson), который добрался до святого города в 1596 году. Именно Морисон открыл дорогу для последующих поколений британских визитеров. К числу наиболее известных английских и шотландских авторов этой эпохи, помимо Тимберлейка, относятся священник Левантийской компании Уильям Биддалф (1601), поэт и переводчик Джордж Сэндис (1610), знаменитый шотландский авантюрист (и, возможно, шпион) Уильям Литгоу (1612), а также английский исследователь Генри Блаунт (1634).

Различие между средневековым и протестантским подходами наглядно иллюстрируется составом прибывающих. Хотя францисканцы в своих документах по-прежнему именовали всех европейцев «паломниками», большинство англичан в Иерусалиме начала XVII века находились там не по духовным причинам. Некоторые были купцами или учеными, другие — искателями приключений или путешественниками, для которых Иерусалим являлся лишь одной из остановок на пути по Леванту. Для коммерсантов и дипломатов, постоянно проживавших в городах Востока, таких как Алеппо или Сидон, посещение Иерусалима — из духовного интереса или ради любопытства — было обычным делом. Однако и они, сталкиваясь с сакральным пространством города, неизбежно вовлекались

в конфессиональное противостояние, правила которого диктовались третьей силой — Османской империей.

В начале XVII века Иерусалим находился под властью османов, после того как султан Селим I завоевал сиро-палестинский регион в 1516 году. Мусульманская администрация выстроила жесткую систему контроля над христианским присутствием в городе, основанную на строгом разделении по конфессиональным группам. Каждая христианская община имела свою сферу ответственности и была обязана принимать и опекать паломников своего вероисповедания. Православный патриархат отвечал за православных, армянские власти — за армянских паломников, и так далее.

Ключевой проблемой для английских и шотландских протестантов было то, что Порта не признавала их как отдельную религиозную группу. В Иерусалиме не существовало протестантских религиозных миссий. С точки зрения османского права, все посетители, прибывавшие из Западной Европы, должны были останавливаться у францисканцев, независимо от того, были они католиками или нет. Эту общину представляли монахи-францисканцы из Кустодии Святой Земли, чье присутствие в городе восходило к XIII веку и было подтверждено Селимом I. К началу XVII века францисканцы обладали монополией на прием, размещение и сопровождение западноевропейских иностранцев.

Эта ситуация создавала известный парадокс. Английские протестанты, посещая Иерусалим, оказывались в физической и юридической зависимости от «папистов», которые в самой Англии считались главными врагами страны и короны. Именно этот момент становится завязкой основной драмы в записках Тимберлейка. Прибыв к городским воротам 25 марта 1601 года, он и его спутник Джон Баррелл отказались отдавать себя под покровительство францисканцев. У ворот города стража спросила их о вероисповедании. Баррелл, знавший греческий язык, выдал себя за православного и посоветовал Тимберлейку сделать то же самое. Тимберлейк, однако, предпочел заявить, что он англичанин, утверждая, что не желает предавать ни свою религию, ни свою страну. Последствия этого шага не заставили себя ждать. Турки арестовали англичанина, заявив, «будто никогда не слыхали ни о моей королеве [Елизавете I], ни о моей стране и не знают о том, что она платит им какую-либо дань». Ситуация разрешилась благодаря знакомому мусульманину из Марокко, который знал Тимберлейка прежде и смог добиться его освобождения. Тем не менее англичанина обязали отправиться к францисканцам.

В заметках история с арестом выполняет функцию повествовательного приема, призванного доказать нежелание англичан гостить у францисканцев. Более того, этот эпизод дал Тимберлейку повод заявить о своей верности родине и обвинить францисканцев, перекладывая на них вину за свое заключение: «Главным же виновником моего заточения стал кустод, который обязан там защищать всех христианских паломников. Он сделал это потому, что я не отдался под его покровительство, а уверенно пожелал быть защищаемым скорее турками, нежели Папой. Он настроил турок против меня до такой степени, что меня сочли за шпиона, и я никоим образом не мог выйти из темницы». Для Тимберлейка это было поводом выразить протест против францисканских привилегий: «Паписты имеют здесь такую силу, что ни один чужестранец-христианин не может получить сюда доступ, если не отдастся под их покровительство, иначе его просто не впустят в город».

Когда мы переходим от деклараций у ворот города к описанию повседневной жизни внутри францисканского монастыря, обнаруживается контраст. И свидетельства англичан, и архивные документы францисканцев показывают, что, несмотря на идеологические разногласия, реальные взаимоотношения между монахами и их протестантскими гостями оставались вполне дружелюбными и корректными.

Для францисканцев западные паломники, особенно такие состоятельные, как Тимберлейк, были в первую очередь источником заработка. Автор-протестант отмечает, что в его отношении соблюдались все положенные церемонии гостеприимства: «К нам вышли двенадцать упитанных монахов… Еще один монах вынес большую лохань с теплой водой, смешанной с розами и другими благовонными цветами. На земле расстелили ковер, в должном

порядке расставили кресла с подушками для нас, и кустод усадил нас, дав каждому в руки по свече. Затем подошел монах, снял с нас чулки и, поставив лохань на ковер, принялся мыть нам ноги. Как только он начал мытье, двенадцать монахов запели и продолжали до тех пор, пока наши ноги не были вымыты».

Францисканские хроники подчеркивают, что орден принимал на себя обязательства по обеспечению всех христиан. Однако сам дух той эпохи требовал от авторов постоянной бдительности. Путешественники использовали любую бытовую деталь, чтобы зафиксировать свою конфессиональную дистанцию и подтвердить стереотипы. Тимберлейк отмечает, что они с Барреллом испытывали страх перед монастырской трапезой, опасаясь, что она может быть отравлена.

Центральным элементом этой стратегии отмежевания был отказ от участия в католических обрядах. Тимберлейк использовал структуру своего повествования для последовательного доказательства того, что его вынужденное пребывание в католической обители не привело к духовному компромиссу. Описывая посещение храма Гроба Господня и иных библейских локаций под руководством францисканских гидов, автор позиционирует себя не как благочестивого паломника, а как рационального наблюдателя. Он фиксирует, что принимал от монахов лишь историко-географические сведения, полностью игнорируя церковные предания латинян. Этот подход ярко проявился в эпизоде осмотра келии святой Пелагии на Елеонской горе. Францисканские проводники подвели Тимберлейка к узкой пещере, демонстрируя ее как место суровых аскетических подвигов святой, и, видимо, ожидали от паломников благоговения или совершения молитвы. Однако реакция лондонского купца оказалась подчеркнуто прагматичной и ироничной. Этот сознательный перевод разговора из религиозно-мистической плоскости служил для английского читателя сигналом: автор не поддался «папистским суевериям» и сохранил трезвый рассудок.

И всё же Тимберлейк не был в Иерусалиме только отстраненным наблюдателем или «библейским» исследователем. Отказываясь исполнять католические обряды, он тем не менее испытывал духовный трепет перед святынями древнего города. Приблизившись к Иерусалиму, он преклонил колени, прочел молитву «Отче наш» и «воздал Богу самое сердечное благодарение за то, что Он сподобил меня прийти туда и увидеть собственными глазами столь святое место». В дальнейшем он со своим спутником, Барреллом, будет коленопреклоненно молиться у многих мест паломнического маршрута.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о характере и структуре русского перевода. Поскольку современного критического издания оригинала не существует, основой для перевода послужил текст книги, напечатанный в Лондоне в 1611 году (Timberlake H. A True and Straunge Discourse of the Trauaile of Two English Pilgrimes. London: Thomas Archer, 1611). Данный текст полностью лишен деления на главы и разделы — все они добавлены переводчиком для удобства цитирования и ориентации в тексте. Также русский перевод снабжен многочисленными комментариями, без которых ориентироваться в реалиях османской Палестины начала XVII века было бы затруднительно. Хочется рассчитывать, что тема протестантского — и, шире, современного — паломничества в Святую Землю получит свое развитие в будущих публикациях.

Василий Чернов

Истинное и удивительное повествование о путешествиях двух английских паломников

Глава I: Введение и путешествие по Египту (9–13 марта 1601 года)

1. Хотя в народе и ходит пословица, будто путешественникам дозволено лгать по праву их звания, однако я, нимало не смутившись этой пустой пугалкой, но твердо уповая на справедливость своего дела, шлю прежде всего сердечный привет всем вам, дорогим моим друзьям, и так из Иерусалима начинаю обращаться к вам.

Вам надлежит знать, что со времени моего отбытия из Великого Каира к Святой Земле я написал вам письмо из Рамофа Галаадского[1], в котором известил вас обо всех моих делах от Великого Каира до самого того места. Я отправил его вместе с семью другими письмами в Дамаск с караваном, чтобы оттуда их переправили в Константинополь; но, сомневаясь, дошел ли этот пакет до ваших рук, я счёл за благо вновь написать вам обо всех вышеупомянутых делах, а равно и о прочем моем путешествии в Иерусалим, о моем заточении и злоключениях в этом городе, а также о том, какие примечательные древности я видел там и в других местах до самого моего возвращения в Александрию, которое совершилось 11 апреля 1601 года[2]. Прежде всего поведаю вам, что я оставил Великий Каир лишь 9 марта и в тот же день прибыл к месту, где, как говорят, останавливалась Дева Мария со Христом Спасителем[3].

2. До этого места мне сопутствовал Энтони Торп и некоторые другие, прибывшие со мною в Великий Каир[4]; здесь же они оставили меня, возвратившись в город, я же со своим спутником, господином Джоном Барреллом, облекшись оба в паломническое одеяние, пришли в ту ночь в город, именуемый Эль-Ханка[5], где мы были рады устроиться на ночлег во дворе, не имея иной постели, кроме голой земли. На следующий день мы отправились оттуда и пришли в город в земле Гесем[6], где встретили общество турок, иудеев и христиан, и с ними около семисот пятидесяти верблюдов, которые все направлялись в Дамаск через пустыни; было же среди них двадцать два грека и армянина, каковые имели намерение следовать в Иерусалим, отчего мы еще более обрадовались их компании. В этом городе, называемом Белбейс[7], мы оставались два дня и одну ночь; в это время я вошел в один дом, где видел весьма удивительный, с моей точки зрения, секрет выведения цыплят искусственным теплом или согреванием; подобное я видел и прежде в Великом Каире, но не в столь необычайном множестве, как здесь, коего устройство (чтобы вам было интереснее) было следующим.

3. Сельские жители, обитающие вокруг этого города на расстоянии четырех или пяти миль, привозят свои яйца в приспособленных для того повозках на ослах или верблюдах к этому

---

[1] С библейским Рамофом Галаадским (ориг. Ramoth Gilead) Тимберлейк ошибочно отождествляет палестинский город Рамлу (или ар-Рамлу, араб. الرملة). По другому предположению, речь может идти о поселении Рамат-эль-Халиль (Мамре) у Хеврона.

[2] Тимберлейк использует юлианский календарь, принятый на тот момент и среди большинства христиан Османской империи, и в Англии. В 1601 году разница между календарями составляла 10 дней.

[3] Тимберлейк имеет в виду место, связанное с новозаветным сюжетом бегства святого семейства в Египет (Мф. 2:13–15). Вероятно, речь идет об историческом пригороде Каира — Матарии. Согласно средневековому паломническому преданию, в Матарии Дева Мария, праведный Иосиф и Младенец Иисус укрывались под сенью сикомора (известного как «Дерево Девы Марии»), а рядом забил чудесный источник, вода которого использовалась для омовения Младенца и стирки Его одежд. Менее вероятно, что автор имеет в виду пещеру в крипте церкви свв. Сергия и Вакха (Абу-Серга), расположенную в глубине Старого Каира (Вавилона Египетского).

[4] Имеются в виду моряки или агенты английской Левантийской компании, сопровождавшие Тимберлейка в некоторые моменты его пути.

[5] Ориг. Canko (араб. الخانكة).

[6] Библейское название местности в Египте, отведенной Иосифом (Быт. 45:10, 46:34, 47:27) для своего отца Иакова и своих братьев (Исх. 1:1–5).

[7] Ориг. Philbits (араб. بلبيس, копт. ϕєʟвнс).

месту, где находится печь или горн, которую специально поддерживают умеренно теплой, и печник, или смотритель оного (или как бы еще вам угодно было его назвать), стоит наготове у маленьких дверей, принимая яйца от каждого по счету; разве только когда число их возрастает настолько, что составляет поклажу десяти верблюдов или более, тогда он наполняет [яйцами] мерную емкость, точно подсчитывая их количество, и по этому образцу отмеряет все остальные. И скажу вам это по правде, что я видел, как сей печник, повар или пекарь принял в один день, частью по счету, а частью мерою, до тридцати пяти или сорока тысяч яиц; и мне поведали, что в продолжение трех дней подряд он занят лишь тем, что беспрестанно принимает их, а через двенадцать дней они приходят вновь, чтобы забрать цыплят, иногда же через десять дней, а иногда (но не слишком часто) через семь дней, смотря по тому, какая стоит погода. Обычно владельцами одной полной загрузки печи являются около двух сотен человек: одни привозят две тысячи яиц, другие — тысячу, или же больше, или меньше, в зависимости от своего достатка; а печник записывает имена и доли каждого принесшего, и, если случится ему иметь сто пятьдесят тысяч или двести тысяч в одну закладку (как у него часто бывает), он складывает их вместе, не разбирая, кому какие [из этих яиц] принадлежат.

Затем раскладывает он их [=яйца] одно за другим на поддоне, так плотно, как только они могут лежать бок к боку, предварительно устроив для них подстилку из пережженного верблюжьего навоза; место же, на котором покоится зола, сделано из весьма тонкого вещества, составленного из земли, смешанной при выделывании с верблюжьим навозом, и также туда добавлено немного голубиного навоза; однако не в том одном заключается секрет, ибо внизу под ним [=поддоном] устроено сводчатое полое пространство около трех футов шириною, где равным образом уложен еще один слой верблюжьего навоза, и уже под ним находится место, где разводят огонь. Но не могу я справедливо назвать это огнем, поскольку кажется оно не чем иным, как тлеющими угольями: ибо разглядел я там лишь немного золы, источающей слабое тепло в следующее за ней полое пространство; это тепло сдерживается слоем навоза, который, будучи свежим и влажным, уложен поверх сучьев иссохших деревьев (или, вернее, ветвей старого валежника) и испускает необычайный пар, и этот пар проникает в полую пустоту прямо под яйцами, где со временем пронзает вышеупомянутую смешанную землю, которая касается золы, на которой яйца разложены, и так служит верным вместилищем для всего тепла, восходящего снизу.

Это искусственное тепло, скользя сквозь угли, на которых яйца покоятся, мало-помалу согревает их через скорлупу, и так вливает жизнь в тех же долях тепла; и так в семь, восемь, девять, десять, а иногда и в двенадцать дней жизнь поддерживается сими искусственными средствами. Когда же печник примечает явление жизни, и что скорлупа начинает ломаться, тогда приступает он к собиранию их [=цыплят]; но из ста тысяч [яиц] едва собирает шестьдесят тысяч [цыплят], иногда же лишь пятьдесят тысяч, а подчас (когда день пасмурен) не более двадцати тысяч; если же случится молния, гром или дождь, тогда из тысячи он не обретает ни одного, ибо все они [=цыплята] тогда погибают.

При этом следует помнить: какой бы прекрасной ни стояла погода, как бы чист ни был воздух и как бы идеально ни прошел весь процесс, пусть даже цыплята вылупятся наилучшим образом — у них все равно обнаруживается либо лишний коготь, либо одного не хватает. У одних бывает пять когтей, у других шесть, у некоторых — всего два впереди и один сзади, иными словами, они редко рождаются правильной формы. После этого, когда люди, которые прежде приносили [яйца], приходят забирать [цыплят], печник отдает каждому соразмерно тому, сколько принесла печь, удерживая себе десятую долю за свои труды. Таков секрет выведения цыплят искусственным теплом в городе Белбейс в земле Гесем, какой, думается мне, тщетно было бы заводить в Англии, поскольку воздух там едва ли десять дней подряд бывает ясным; нет там и верблюжьего навоза, хотя имеют они навоз других животных, во всех отношениях столь же горячий; поэтому, когда Солнце пребывает в созвездиях Рака, Льва или

Девы[8], вы можете (если вам угодно) попробовать, что из этого выйдет. Быть может, некоторые сочтут это за ложь или басню, но таковым я отвечу: я не могу побуждать их к доверию более, нежели моя честность и правда могут убедить их; и если они и в том не поверят мне, пусть потрудятся сделать собственные глаза свидетелями, и, когда они заплатят столь же дорого, как заплатил я (ибо созерцание этого и других вещей обошлось мне в сто марок[9] за пятьдесят дней), их суждение лучше утвердится.

Глава II: Аравийская пустыня (13–21 марта 1601 года)

4. Теперь я поведаю о нашем переходе через Аравийскую пустыню, которую мне необходимо было преодолеть, прежде чем я смогу добраться до Святой Земли. 13 марта мы покинули город Белбейс и шли всю ночь вместе с дамасским караваном, а 14-го в девять часов утра раскинули наши шатры в Бохаро[10] в земле Гесем[11]. Оттуда мы отправились той же ночью, и 15-го ночью встали лагерем в Эль-Салихии[12], которая лежит к востоку от земли Гесем и находится на самой границе Аравийской пустыни. Здесь из-за страха перед дикими арабами мы задержались на два дня и возобновили путь 17 [марта].

5. В ту ночь мы переправились по большому мосту, под которым стоит соленая вода. Эту воду провели из моря со стороны Дамиетты: руками человеческими этот канал был прорублен оттуда примерно на сто пятьдесят миль вглубь суши по приказу Птолемея, царя Египта, который намеревался соединить Красное и Средиземное моря в одно. Однако когда он осознал, что если доведет эту работу до конца, то вся его страна будет полностью затоплена, он забросил этот труд и построил мост для переправы[13]. Это место разделяет Аравию и Египет, и не успели мы миновать этот мост, как на нас напали дикие арабы. Невзирая на то, что у нас была большая компания (ведь нас насчитывалось более тысячи человек), у нас отобрали верблюда, навьюченного коленкором, четверо наших людей получили ранения, а один был ранен смертельно. Так арабы и скрылись с добычей, а мы ничего не могли поделать, поскольку стояла ночь.

6. 18 [марта] утром мы расположились у колодца с солоноватой водой. Я забыл упомянуть, что мой спутник-паломник, господин Джон Баррелл, едва остался жив в той ночной стычке. Здесь мы отдыхали до трех часов пополудни, каковое время местные называют «аль-аср»[14],

---

[8] Т.е. примерно с 21 июня по 22 сентября (по юлианскому календарю, которым пользовался Тимберлейк, — с 11 июня по 12 сентября).

[9] Сто английских марок представляли собой эквивалент примерно 690 г чистого золота — доход ремесленника за 4–5 лет; по покупательной способности в Англии, если сравнивать с 2026 годом, они были примерно равны 25 000–30 000 долларов США, по золотому эквиваленту — около 58 000 долларов США. Однако следует помнить, что цены и стоимость труда в османском Египте и Палестине времён Тимберлейка были примерно в 2–2,5 раза ниже английских, так что потраченная им сумма равнялась доходу ремесленника примерно за 10 лет.

[10] Неизвестное место в районе современного Абу-Хаммада.

[11] См. сноску 6.

[12] Ориг. Salhia, араб. الصالحية — город в восточной части дельты Нила. Был основан в 1242–1246 годах султаном Ас-Салихом Айюбом в качестве военной крепости и аванпоста на Синайском караванном тракте.

[13] Имеется в виду исторический предшественник современного Суэцкого канала, известный в античности как Канал фараонов (или Канал Птолемея). По античным свидетельствам, сооружение судоходного пути, связывающего дельту Нила (и, следовательно, Средиземное море) с Красным морем, было начато еще при фараонах Сенусерте III или Нехо II, продолжено персидским царем Дарием I и завершено (а также значительно расширено) царем Птолемеем II Филадельфом (III в. до н. э.). Упоминаемое Тимберлейком опасение, будто завершение работ приведет к полному затоплению Египта из-за якобы более высокого уровня Красного моря, являлось распространенным в древности инженерным мифом. Согласно Страбону, Дарий I прекратил работы, опасаясь, что море затопит Египет, а завершили канал Птолемеи; Плиний приписывает тот же страх Птолемею II (эту версию и повторяет Тимберлейк); у Аристотеля Сенусерт и Дарий боялись, что морская вода испортит нильскую.

[14] Ориг. Lasara, араб. العصر. В исламском праве этим термином обозначается время третьей обязательной дневной (послеполуденной) молитвы, которая совершается, когда длина тени предмета становится равной его высоте. Тимберлейк совершенно верно отмечает этнографическую особенность левантийского региона: разделение светового дня на четыре ключевые фазы (по времени главных мусульманских молитв: фаджр, зухр, аср и магриб)

поскольку аравитяне и египтяне делят день всего на четыре части. Затем мы двинулись дальше и на следующее утро встали лагерем у стоящей в пустыне крепости под названием Катья[15]. Это один из трех замков, которые турки удерживают в пустыне для защиты всех путешественников от диких арабов. По этой причине здесь мы платим определенную пошлину, а именно: 60 серебряных монет стоимостью в два пенса каждая за всякого мужчину или отрока, 76 монет за груженого верблюда и 14 — за мула[16]. Уплатив этот налог, мы тронулись в путь и 19 [марта] вновь встали лагерем у другого солоноватого колодца, откуда, продолжив движение, расположились 20 марта у второй крепости, именуемой Эль-Ариш[17]. Ее в упомянутой пустыне также удерживают турки, и наш налог там составил всего по 20 серебряных монет за каждого пассажира и по 30 за верблюда. Оттуда под конвоем множества солдат нас препроводили к третьей крепости под названием Рафах[18], причем этот долгий переход занял у нас 24 часа непрерывного пути.

Глава III: Путь через Палестину к вратам Иерусалима (21–25 марта 1601 года)

7. Здесь, как говорят, цари Египта и Иудеи давали многие великие сражения, что мне, однако, казалось весьма невероятным, поскольку нет в тех местах ничего, чем можно было бы прокормить армию, кроме песка и соленой воды. Там мы заплатили всего по 10 монет за каждого путника и по 20 за скотину. Отправившись оттуда 22 [марта] утром, мы расположились лагерем в Газе в Палестине — стране доброй и плодородной — и здесь полностью оставили позади все пустыни. В этом городе я видел место, где (как нам рассказывали) Самсон обрушил два столпа и перебил филистимлян[19]. Воистину, судя по положению этой страны, город кажется тем самым. Здесь мы заплатили по 22 монеты за каждую скотину и по 10 за каждого пассажира. Отсюда мы отбыли 22 марта и остановились в месте, именуемом по-арабски Хан-Юнис, но христианами называемом Вирсавия[20], которое

служило в Османской империи общепринятым стандартом измерения времени для местного населения и караванов.

[15] Ориг. Catga, араб. قطية — исторически значимый оазис и крепость на севере Синайского полуострова, расположенный примерно в 45 км к востоку от современного Суэцкого канала (в районе древнего Пелузия). Начиная с эпохи Мамлюкского султаната и на протяжении всего османского владычества, Катья служила ключевым таможенным и оборонительным постом на главной сухопутной дороге, связывавшей Египет с Сирией и Палестиной. Описанная Тимберлейком система взимания сборов за пассажиров и вьючных животных являлась официальной османской практикой сбора дорожных пошлин.

[16] Под «серебряными монетами стоимостью в два пенса» автор, вероятнее всего, имеет в виду акче — мелкую серебряную монету Османской империи — либо пару, которая на рубеже XVI–XVII веков как раз равнялась нескольким акче и составляла основу денежного обращения в Египте и Сирии. Английский пенс в описываемый период представлял собой монету из серебра 925-й пробы весом 0,5 г. В Лондоне покупательная способность 1 пенса была примерно равна 1,2–1,5 современного доллара США — на эти деньги можно было купить буханку хлеба или пинту пива. В османской Палестине на тот же вес серебра можно было приобрести вдвое больше хлеба или 3–4 кг сезонных фруктов.

[17] Ориг. Arris, араб. العريش — исторический город, оазис и порт на средиземноморском побережье Синайского полуострова, расположенный у устья высохшего русла реки Вади-эль-Ариш (которую в библейской географии часто отождествляли с «Рекой Египетской», служившей южным рубежом Земли Обетованной). Со времен античности этот пункт, известный как Ринокорура, имел важнейшее оборонительное значение. В османский период Эль-Ариш являлся вторым ключевым форпостом и таможенным узлом на Синайском сухопутном маршруте после Катьи.

[18] Ориг. Raphael, араб. رفح — древний город в южной части Святой Земли, расположенный на границе с Синайским полуостровом. В османский период Рафах официально являлся пограничным рубежом между провинциями (эялетами) Египет и Сирия. Тимберлейк верно описывает его как «третью крепость» османской погранично-таможенной линии в Синайской пустыне (после Катьи и Эль-Ариша).

[19] Имеется в виду ветхозаветный рассказ о гибели израильского вождя Самсона, который, будучи ослеплен и пленен филистимлянами, сдвинул с места два центральных опорных столба языческого храма бога Дагона в Газе, обрушив все здание на пирующих врагов и погибнув вместе с ними (Суд. 16:25–30).

[20] Ориг. Canuie, араб. خان يونس. Тимберлейк ошибочно отождествляет Хан-Юнис с Вирсавией, упоминаемой в Библии как южный предел Земли Обетованной (Быт. 21:31–33). В действительности библейская Вирсавия расположена значительно восточнее — на северной окраине пустыни Негев, и сухопутный караванный маршрут

лежит на самых рубежах Иудеи; там мы заплатили всего по 2 серебряных монеты с каждого и по 4 за скотину.

8. Отбыв оттуда 23 [марта] утром, мы раскинули наши шатры на зеленеющем лугу, у самых стен Рамофа Галаадского [=Рамлы]. Там я оставался весь тот день и написал восемь писем в Англию, чтобы отправить их с вышеупомянутым караваном, шедшим в Дамаск, а оттуда переправить в Константинополь и далее в Англию. На следующий день, 24-го утром, я с прочими христианами направился к Иерусалиму, а большой караван пошел своим путем в Дамаск. Мы же остановились на ночлег, немного не дойдя до места, в селении, называемом по-арабски Курьят аль-Инаб[21], которое лежит в 16 милях от Хеврона, где находится гробница праотца нашего Авраама, и в пяти малых милях от Иерусалима.

9. Оттуда мы отправились утром, в праздник Богородицы[22] во время Великого поста[23], и в девять часов утра я узрел город Иерусалим. Тогда, преклонив колена и сотворив молитву Господню, я воздал Богу самое сердечное благодарение за то, что Он сподобил меня прийти туда и увидеть собственными глазами столь святое место, о котором я так часто читал прежде. Приблизившись на фурлонг[24] к вратам, я со своим спутником, господином Джоном Барреллом, пошел, поя и славя Бога, пока мы не достигли западных ворот города[25], и там мы остановились, поскольку христианину не дозволено входить без разрешения. Мой спутник советовал мне назваться греком, единственно чтобы избежать хождения на [католическую] мессу; но я, не зная греческого языка, не захотел так поступить, сказав ему у самого входа в ворота, что не стану отрекаться ни от своего отечества, ни от веры. Когда же нас спросили, кто мы такие, господин Баррелл (отвечая на греческом языке) сказал им, что он грек, а я англичанин.

Глава IV: Заточение и чудесное избавление (25 марта 1601 года)

10. Это открыло ему [=Барреллу] доступ к греческому патриарху[26], я же был схвачен и брошен в тюрьму, не пробыв у ворот и полного часа. Дело в том, что турки твердо заявили, будто никогда не слыхали ни о моей королеве [Елизавете I], ни о моей стране, и не знают о том, что она платит им какую-либо дань. Главным же виновником моего заточения стал кустод[27], который обязан там защищать всех христианских паломников. Он сделал это потому, что я не отдался под его покровительство, а уверенно пожелал быть защищаемым скорее турками, нежели Папой. Он настроил турок против меня до такой степени, что меня сочли за шпиона, и я никоим образом не мог выйти из темницы. Теперь же позвольте мне поведать вам, как в тот самый день надежде угодно было избавить меня и даровать мне свободный проход как

Тимберлейка вдоль побережья через нее не проходил. Топоним «Хан-Юнис» (букв. «постоялый двор Юнуса») восходит к укрепленному пограничному караван-сараю, построенному в 1387–1388 годах мамлюкским эмиром Юнусом ан-Наврузи для защиты торговцев и паломников на главном тракте между Каиром и Дамаском. Местные проводники охотно поддерживали миф о «Вирсавии», подогревая интерес христианских паломников.

[21] Ориг. Cudeche laneb, араб. قرية العنب, букв. «селение винограда», ныне город Абу-Гош, расположенный примерно в 10 км к западу от Иерусалима. Начиная с эпохи Мамлюкского султаната и на протяжении всего османского владычества этот пункт служил важнейшей финальной стоянкой для караванов перед непосредственным подходом к Иерусалиму со стороны побережья. Со времён крестоносцев христианская традиция отождествляла Курьят аль-Инаб с новозаветным Эммаусом; ветхозаветный Кириаф-Иарим, куда был перенесен Ковчег Завета (1 Цар. 7:1–2), исследователи помещают на холме Дейр эль-Азар над Абу-Гошем.

[22] Имеется в виду праздник Благовещения (25 марта), который присутствовал в церковных календарях как православных и католиков, так и Церкви Англии, к которой принадлежал Тимберлейк.

[23] В 1601 году Пасха у восточных и западных христиан приходилась на один и тот же день — 12 апреля ст. ст. (22 апреля н. ст.). Великий пост начинался по западной пасхалии 25 февраля ст. ст. (7 марта н. ст.), по восточной пасхалии — 23 февраля ст. ст. (5 марта н. ст.).

[24] Ориг. furlong — 1/8 мили, ок. 201 м.

[25] Имеются в виду Яффские ворота.

[26] Имеется в виду православный Иерусалимский Патриарх. В 1601 году эту должность занимал Софроний IV, известный острыми конфликтами с другими христианскими общинами города.

[27] Ориг. Peter Guardian, искаженное лат. pater guardianus — глава францисканской миссии (кустодии) на Святой Земле. В марте 1601 года эту должность занимал итальянец Франческо Манерба.

протестанту, без следования какому-либо иному обряду, кроме одного лишь несения восковой свечи, что превзошло все мои лучшие чаяния и ожидания.

11. Здесь позвольте напомнить вам, как я оставался в Рамофе Галаадском [=Рамле], где я отправил восемь писем в Англию с дамасским караваном. Имея там свободное время, я пошел к источнику, чтобы выстирать свое грязное белье. Когда я был усердно занят своим делом, ко мне внезапно подошел мавр, который выхватил одежду из моих рук, назвал меня по имени и сказал, что поможет мне. Вы, без сомнения, представите, какое это было для меня изумление — слышать, что такой человек называет меня по имени в месте, столь удаленном от моих друзей, отечества и привычной обстановки. Он же, заметив это, решительно заговорил со мной на франкском наречии[28]: «Что же, капитан, надеюсь, вы не забыли меня? Ведь не прошло еще и сорока дней, как вы высадили меня на берег в Александрии вместе с прочими путниками, которых привезли из Алжира на своем корабле, именуемом „Троянец“. Здесь же в караване находится и другой человек, которого вы также доставили вместе с нами, и он немало обрадовался бы, увидев вас». Я спросил его, живет ли он здесь. Он ответил, что нет, но и он, и его товарищ идут с караваном в Дамаск, который они зовут Шам[29], а оттуда в Багдад, который мы зовем Вавилоном, а оттуда в Мекку, чтобы стать хаджами — ибо так они зовутся, когда побывают в Мекке. Сверх того, он поведал мне, что живет в городе Фес в Берберии[30].

12. Этого человека, по моему убеждению, Бог послал стать орудием моего немедленного вызволения. Ибо, когда я хорошенько присмотрелся к нему то вспомнил, что видел его на своем корабле. Впрочем, одного человека среди трех сотен не так легко признать — ведь столь многих привез я из Алжира в те пределы, из самых разных народов: турок, мавров, иудеев и христиан. Я просил этого человека отвести меня к его товарищу, что он, достирав мое белье, и исполнил; и того я тоже узнал весьма скоро. Эти двое решили между собой, что один из них отправится далее с караваном, а другой пойдет вместе со мной в Иерусалим — это и был тот самый вышеупомянутый мавр. Этот неверный явил обо мне заботу столь искреннюю, что не пожелал оставить меня без спутника в этой чужой земле; я не могу не приписать это особенному Божию промыслу ради моего избавления из тюрьмы, иначе я был бы оставлен в самом жалком положении.

Когда сей мавр увидел меня заточенным в Иерусалиме, причем темница моя находилась прямо против Гроба Христова, он, хотя и прослезился, однако просил меня ободриться. Тотчас отправился он к паше города и к санджак-бею, перед которыми поклялся, что я являюсь мореходом с корабля, который доставил 250 или 300 турок и мавров, держащих путь в Мекку, в Египет из Алжира и Туниса. Этот мавр, поскольку был он мусульманином, добился у них такого успеха, что, вернувшись с шестью турками назад к тюрьме, подозвал меня к дверям и сказал мне следующее: если я соглашусь пойти в дом кустода и отдаться под его защиту, меня не будут принуждать ни к какой вере, позволив пребывать в моей собственной, разве только к тому, чтобы нести свечу. На это я охотно согласился. Итак, уплатив издержки по содержанию моему в темнице, я был тотчас вызволен и препровожден в монастырь кустода.

13. Там кустод, подойдя ко мне, взял меня за руку, приветствовал и выразил удивление, как это я столь сильно отступил от христианства, что пожелал отдаться под защиту турок, а не под его покровительство. Я ответил ему, что поступил так лишь потому, что не желал ходить на мессу, но хотел следовать своей совести. Он возразил, что здесь бывали многие англичане, но они (будучи католиками) ходили на мессу, а туркам при входе в ворота называли себя французами — ведь турки не понимают, что имеется в виду под словом «англичанин». Монах посоветовал

---

[28] Ориг. Frank tongue. Имеется в виду лингва-франка, или сабир, — пиджин на основе нескольких романских языков, использовавшийся для общения в Средиземноморье.

[29] Шам (араб. الشام) — исторический арабский топоним, который традиционно использовался жителями Ближнего Востока в двух значениях: для всего региона Леванта (Великой Сирии) и как непосредственное название города Дамаска.

[30] Берберия — в XVI–XIX веках европейское название Северной Африки; в данном случае имеется в виду Марокко.

мне на будущее: когда кто-либо из моих соотечественников предпримет подобное путешествие, у ворот Иерусалима ему следует именовать себя либо французом, либо британцем, поскольку эти народы туркам хорошо известны[31].

Так, или примерно так, мы и беседовали; также он расспрашивал, сколько лет ее величеству нашей королеве [Елизавете I] и по какой причине она ничего не жертвует на содержание Гроба Господня, в то время как другие христианские короли и государи делают это? На эти и многие другие пустые вопросы я ответил соответствующим образом. День уже склонялся к сумеркам, когда к нам вошел мой спутник, господин Джон Баррелл, который без всяких хлопот сошел за грека. Тем не менее он тоже был вынужден остановиться в этом монастыре, иначе ему не позволили бы оставаться в городе — ведь паписты имеют здесь такую силу, что ни один чужестранец-христианин не может получить сюда доступ, если не отдастся под их покровительство, иначе его просто не впустят в город.

14. Когда мы с господином Барреллом находились вместе во дворе монастыря, к нам вышли двенадцать упитанных монахов. Каждый из них нес зажженную восковую свечу, и, кроме того, у них были две запасные свечи: одна для господина Баррелла, а другая для меня. Еще один монах вынес большую лохань с теплой водой, смешанной с розами и другими благовонными цветами. На земле расстелили ковер, в должном порядке расставили кресла с подушками для нас, и кустод усадил нас, дав каждому в руки по свече. Затем подошел монах, снял с нас чулки и, поставив лохань на ковер, принялся мыть нам ноги. Как только он начал мытье, двенадцать монахов запели и продолжали до тех пор, пока наши ноги не были вымыты.

Окончив это, они пошли дальше с пением, а мы вместе с кустодом пришли в монастырскую церковь. Там один из них обратился к нам с речью в форме проповеди, суть которой сводилась к следующему: сколь достойное дело мы совершили, посетив Святую Землю и узрев те священные места, по которым ступали стопы нашего Спасителя. Когда проповедь завершилась, нас отвели в покои, где уже был приготовлен ужин. Там мы ели с некоторой опаской, поскольку незнакомые яства могут таить в себе столь же незнакомые свойства. Однако, вверив себя Богу и уповая на их по видимости христианское радушие, мы принялись за еду с аппетитом, поужинали весьма обильно и после, воздав хвалу Богу, были прилично устроены на ночлег. Вот и всё, что касается приёма, оказанного мне в первый день в Иерусалиме, который пришелся на 25 марта 1601 года, в праздник Богородицы во время Великого поста. Далее следует рассказ о том, что монахи показывали мне после сего, имея на то повеление кустода.

Глава V: Святые места внутри Иерусалима и поездка в Вифанию (26–27 марта 1601 года)

15. Следующим утром мы встали рано и, поприветствовав кустода, получили от него в помощь семь монахов и драгомана[32]. И так мы вышли, чтобы осмотреть все святые места в городе, какие надлежало видеть, за исключением тех, что находятся в храме Гроба Господня[33] — ведь это требовало целого отдельного дня трудов в будущем. На каждом месте, куда мы приходили, мы преклоняли колена и читали молитву Господню. Первым примечательным местом, которое

[31] В оригинальном печатном тексте книги Тимберлейка напечатано очевидно искаженное слово Fritons. В шрифтах начала XVII века заглавные литеры B и F были графически очень похожи, из-за чего наборщик допустил типичную ошибку, напечатав Fritons вместо Britons («британцы»). Францисканский кустод указывает автору на официальную дипломатическую номенклатуру Высокой Порты. В султанских жалованных грамотах 1580 и 1583 годов Английское королевство именовалось османами «Британией».

[32] Драгоман (ориг. Trouchman) — официальный проводник, переводчик и посредник между европейскими дипломатами или паломниками и османскими властями. В Иерусалиме рубежа XVI–XVII веков драгоманы назначались из местных христиан или мусульман и находились на службе у францисканской кустодии.

[33] Ориг. Sepulchra sancta.

монахи нам показали, была претория[34]. Далее следовал дом святой Вероники; когда я спросил у них, что это была за святая, они поведали мне, что именно она отерла лицо нашему Спасителю, когда Он проходил мимо, объятый страданиями[35]. Спустившись немного ниже по той же улице, они показали мне путь, по которому Спаситель шел на распятие, называемый ими «Via dolorosa»[36]. Затем по правую руку на той же улице мне показали дом богатого чревоугодника, у ворот которого лежал нищий, презираемый Лазарь[37]. Следуя далее по этой улице, мы пришли к повороту налево, откуда, как они рассказали мне, Симон Киринейский шел навстречу крестному пути, когда воины, увидев его, призвали и принудили против воли помогать Спасителю нести крест[38]. Также они поведали мне, что на том самом месте люди плакали, когда Христос, отвечая, сказал им: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне» и прочее[39]. Далее они показали мне церковь, где Дева Мария упала в изнеможении, когда Христос проходил мимо, неся Свой крест[40].

16. После они привели меня к дворцу Пилата; хотя он совершенно разрушен, в нём сохраняется старая каменная арка, до сих пор поддерживаемая христианами[41]. Поскольку она стоит прямо посреди дороги, мы прошли под ней; это сооружение весьма похоже на проход под домом господина Хэммона на Земляном валу[42], но только эта арка выше. На ней устроена галерея, которая позволяет переходить над нашими головами с одной стороны улицы на другую — ведь дворец Пилата простирался над дорогой по обе стороны, и Пилат имел два больших окна в этой галерее, чтобы смотреть в обе стороны на улицу точно так же, как господин Хэммон имеет такое же удобство у обоих своих окон. В эту галерею приведен был Спаситель, когда Его показали иудеям, и они, стоя внизу на улице, слышали слова: «Се Человек». Недалеко от этого места находится подножие лестницы, где Спаситель впервые поднял Свой крест[43]. Затем они привели меня к месту, где была зачата и где родилась Дева Мария, которое является церковью святой Анны, а не турецкой мечетью[44]. Далее они показали мне купальню, где Христос очистил

---

[34] Ориг. place judicial, букв. судейское место. Имеется в виду резиденция римского наместника Иудеи Понтия Пилата в Иерусалиме, где, согласно Евангелиям, проходил судебный процесс над Иисусом Христом (Мф. 27:11–26; Ин. 18:28). Францисканская традиция нового времени отождествляла преторию с руинами византийских и средневековых построек, располагавшихся близ крепости Антония (у северо-западного угла Храмовой горы). В эпоху Тимберлейка на этом месте находились действующие османские правительственные и военные казармы, служившие резиденцией турецкого наместника.

[35] Святая Вероника — женщина, которая, согласно средневековому западному преданию, подала идущему крестным путем Иисусу Христу платок, чтобы Он смог утереть пот. После того, как Христос коснулся платком Своего лица, на ткани запечатлелся Его образ. Именно так западная традиция объясняет происхождение нерукотворного образа Спасителя.

[36] Лат., букв. «скорбный путь», по-русски обычно называемый «крестный путь» — традиционный паломнический маршрут по улицам Иерусалима, отождествляемый с путём, по которому Иисуса Христа вели на казнь; маршрут содержит ряд остановок («станций»), связанных с событиями крестного пути Иисуса.

[37] Имеются в виду персонажи новозаветной притчи о богатом и Лазаре (Лк. 16:19–31). Интересно, что в самом Новом Завете эти персонажи действуют как *вымышленные* герои назидательного повествования.

[38] См. Мф. 27:32, Мк. 15:21, Лк. 23:26.

[39] См. Лк. 23:28.

[40] Этот элемент крестного пути, не упоминаемый в Евангелиях, основан на предании; во времена Тимберлейка с ним отождествлялись развалины византийского и более позднего латинского храма, а во второй половине XIX века здесь была воздвигнута существующая ныне армянская церковь Богородицы Страстей.

[41] Речь идет о месте, где Пилат, согласно Евангелию (Ин. 19:4–6), показал избитого Иисуса Христа народу. Центральный пролет этой арки и сейчас перекрывает Виа Долороза, а меньший северный находится внутри латинской базилики Ecce Homo, построенной во второй половине XIX века.

[42] Ориг. Master Hammon’s house in the Bulwark. Имеется в виду дом некоего человека, расположенный в Лондоне близ Тауэра.

[43] См. Ин. 19:16–17.

[44] Тимберлейк фиксирует внешнюю архитектурную форму церкви св. Анны (базилики эпохи крестоносцев, возведенной около 1138 года). Однако еще в 1192 году Саладин превратил эту базилику в медресе. Османы позволяли францисканским гидам за плату проводить паломников в подземную крипту, почитаемую как место рождества Девы Марии. В XIX веке султан Абдул-Меджид I передал этот комплекс Франции, после чего здание было отреставрировано и передано Католической Церкви.

прокаженных[45], и после, доведя меня до ворот святого Стефана[46], немного не доходя до них по левую руку, показали мне камень, на котором святой Стефан был побит камнями[47]. Отсюда я видел лестницу, ведущую к Золотым воротам, у которых можно увидеть многие реликвии. Там были и восточные ворота [иудейского] Храма, который Соломон воздвиг на горе Мориа; в этом Храме находилось место, называемое Святая Святых. Ныне же на том месте воздвигнута большая и благолепная мечеть, принадлежащая туркам[48]. Так провел я второй день, 26 марта, постоянно пребывая внутри Иерусалима, за исключением похода к камню, где святой Стефан был побит камнями.

17. На следующий день, 27 марта, исполнив долг наш перед Богом и кустодом, мы наняли ослов для монахов и драгомана. Выйдя за городские ворота, мы сели верхом и направились прямо к Вифании. По пути, как мы ехали, монахи показали мне место бесплодной смоковницы, которую проклял Христос[49]. Далее следовал замок[50] Лазаря, того самого Лазаря, которого Христос так нежно любил — ведь дом его или замок находится в Вифании, но он совершенно разорен, так что там нечего смотреть, кроме одной стены с двух сторон. В том же селении они показали мне дом Марии Магдалины, но также столь разрушенный, что от него ничего не осталось, кроме части стены. Там же я видел дом Марфы, состоящий из трех кусков стены; и оттуда они привели меня к камню, где две сестры сказали Христу, что Лазарь умер[51]. Следуя далее, они показали мне место, где Спаситель воскресил Лазаря из мертвых, после того как тот три дня[52] пролежал в земле, и где он был погребен, когда [вновь] скончался[53]. Место это от самого начала примечательно сохранялось и до сих пор поновляется христианами, однако в бедном и весьма скудном виде; и это всё, что я видел в Вифании.

18. Оттуда мы поехали к горе Елеонской, и, миновав Виффагию, они привели меня к месту, где Спаситель взял ослицу и молодого осла, когда въезжал в Иерусалим в Вербное воскресенье[54]. Проехав от Виффагии прямо на север, мы пришли к подножию горы Елеонской, где мне показали место, посвященное Благовещению Девы Марии, называемое «Benedicta»[55]. Поднявшись на вершину горы, мы увидели место вознесения Спасителя[56]. При виде его мы сотворили молитвы, и нам было велено притом прочесть пять раз «Отче наш» и пять раз «Радуйся, Мария»; но мы прочли молитву Господню, осмотрели место и удалились[57]. Это

---

[45] Имеется в виду Вифезда, у которой Иисус Христос исцелил расслабленного (Ин. 5:1–15). Исцеление прокаженных Иисус совершил далеко от Иерусалима (Лк. 17:11–19) вне всякой связи с этой купальней. Таким образом, в тексте Тимберлейка содержится ошибка.

[46] Имеются в виду Львиные (они же Овечьи) ворота Иерусалима.

[47] См. Деян. 7:58–60. Ныне на описываемом Тимберлейком месте расположен православный монастырь св. Стефана.

[48] Имеется в виду мечеть Купол Скалы.

[49] См. Мф. 21:18–22, Мк. 11:12–14.

[50] Женский бенедиктинский монастырь св. Лазаря в Вифании был основан крестоносцами в 1138 году и разрушен Саладином в 1187 году. Во времена Тимберлейка руины монастыря отождествлялись с «замком» св. Лазаря.

[51] Согласно Евангелию (Ин. 11:1–44), сестры Марфа и Мария не сообщали Иисусу о смерти своего брата Лазаря; когда Он пришел в Вифанию, Он уже знал об этом. Вероятно, имеется в виду место, где сестры встретили Иисуса, пришедшего, как стало ясно позже, воскресить Лазаря (Ин. 11:21, 32).

[52] Согласно Евангелию, Лазарь провел в погребальной пещере четыре дня (Ин. 11:39).

[53] Вероятно, пояснения монахов были неверно переведены или поняты. Гробница в Вифании никогда не почиталась как место повторного погребения Лазаря, который, согласно преданию, умер и был погребен на Кипре, будучи какое-то время епископом Ларнаки.

[54] См. Мф. 21:1, Мк. 11:1, Лк. 19:29.

[55] Ориг. the place Benedicta of the virgin Mary’s Annunciation. Вероятно, имеется в виду место на Елеонской горе, где, по преданию, ангел возвестил Деве Марии ее кончину («второе Благовещение»). Разумеется, речь не может идти о месте евангельских событий Благовещения, поскольку они разворачивались в Назарете Галилейском примерно в 110 км к северу от Иерусалима.

[56] Как и сегодня, традиционное место вознесения (а также камень с углублением, который и мусульмане, и христиане считают отпечатком стопы Иисуса) во времена Тимберлейка находилось внутри мусульманской культовой постройки.

[57] Т.е. вместо пятикратного чтения «Отче наш» и «Радуйся, Мария» по-латыни Тимберлейк со спутником прочел «Отче наш» один раз (вероятно, по-английски).

самая высокая часть горы Елеонской, и отсюда можно различить многие примечательные места: так, прямо к западу от нее открывается вид на новый город Иерусалим[58]; к юго-западу от нее видна гора Сион, которая примыкает к новому Иерусалиму. Также в долине между Сионом и горой, на которой я стоял, я видел поток Кедрон, Силоамскую купальню, сад, в котором Спаситель молился[59], место, где после Он был предан, и различные другие примечательные места, расположенные в Гефсиманской долине, как, например, гробница Авессалома, сына царя Давида, гробница Иосафата и другие, о которых я расскажу, когда придет их черед. Прямо к югу от горы Елеонской я видел места, откуда мы только что прибыли — всю Вифанию и Виффагию. Также к востоку-северо-востоку от этой горы видна как река Иордан, которая находится примерно в 15 милях оттуда, так и Иерихон, который расположен не так далеко, поскольку лежит к западу от Иордана. С горы Елеонской к востоку и востоку-юго-востоку можно видеть Содомское и Гоморрское озеро[60], которое имеет 100 миль в длину и 8 миль в ширину. Все эти места я определил по компасу, когда находился на горе Елеонской, ибо я оставался на ее вершине около двух с половиной часов, имея при себе маленький компас[61].

Глава VI: Спуск с Елеонской горы и осмотр горы Сион (27 марта 1601 года)

19. Спускаясь оттуда к подножию горы на запад, мы пришли к месту, где, как поведали мне монахи, некая женщина по имени святая Пелагия проводила подвижническую жизнь в мужском монашеском одеянии[62]. На это я улыбнулся, а они спросили, чему именно. Я ответил, что вера в святость Пелагии лежит далеко за пределами компаса моего исповедания. Они пообещали мне, что вечером, когда я вернусь домой, они покажут мне книги авторитетных авторов, подтверждающих это; но, когда я вернулся домой, у меня было так много дел по переписыванию заметок из моих записных книжек, что мне было недосуг требовать у них книги о святой Пелагии.

Тем временем нас привели к месту, где наш Спаситель провидел Страшный суд, затем туда, где Он дал ученикам молитву «Отче наш», а после — туда, где апостолы составили Символ веры[63].

---

[58] Имеется в виду Иерусалим османского периода, когда территория города сместилась к северу. В результате вершина горы Сион и многие святыни остались за пределами южной стены, в то время как Голгофа (находившаяся вне стен библейского Иерусалима) оказалась практически в центре нового городского пространства. Тимберлейк и далее называет «старым» библейский Иерусалим, как он его себе представлял, а «новым» — османский Иерусалим, который он непосредственно наблюдал.

[59] Имеется в виду Гефсиманский сад (см. Мф. 26:36–57, Мк. 14:32–53, Лк. 22:39–53, Ин. 18:1–13).

[60] Имеется в виду Мёртвое море.

[61] Зафиксированное Тимберлейком наблюдение Иерихона, Иордана и Мертвого моря с вершины Елеонской горы топографически достоверно, несмотря на то что для современного путешественника этот обзор часто закрыт из-за сильной атмосферной дымки. Елеонская гора возвышается над уровнем моря более чем на 800 метров, в то время как Иорданская рифтовая долина и Мертвое море лежат в глубоком тектоническом разломе (на отметках от –250 до –430 метров). Отсутствие высоких препятствий к востоку от Иерусалима обеспечивает прямую видимость Иерихонского оазиса (около 24 км по прямой) и северного зеркала Мертвого моря (около 30 км); что касается Иордана, Тимберлейк не мог видеть поверхность воды, но мог рассмотреть прибрежные заросли, выделявшие реку из окружающей пустыни.

[62] Имеется в виду Пелагия Антиохийская, жившая в V веке. Согласно житию, она некогда была актрисой и блудницей, но впоследствии обратилась в христианство, облачилась в мужскую одежду и проводила суровую подвижническую жизнь близ Иерусалима под именем инока Пелагия. С V века известна «келия св. Пелагии», которая содержит также надгробие, которое христиане почитают как ее гробницу. То же надгробие иудеи считают могилой библейской пророчицы Олдамы (Хулды; 4 Цар. 22:14), а мусульмане — местом погребения суфийской святой VIII века Рабии аль-Адавии.

[63] Местом, где Христос дал ученикам молитву «Отче наш», предание считало пещеру на Елеонской горе. Во времена Тимберлейка там находились руины, а ныне расположен католический кармелитский монастырь Pater Noster. Место, где апостолы якобы составили Символ веры, связано со средневековым западным преданием, согласно которому, перед тем как разойтись на всемирную проповедь, двенадцать апостолов собрались в пещере на Елеонской горе, и каждый из них произнес по одной строке, составив таким образом двенадцать членов т.н. Апостольского символа веры.

Отсюда мы пришли к месту, где Христос оплакивал Иерусалим[64]; оттуда — к месту, где Дева Мария вручила пояс апостолу Фоме[65], и затем к месту, где она молилась за святого Стефана[66]. Все эти последние места находились по пути вниз с горы Елеонской по направлению к Гефсиманской долине.

20. Идя по этому пути, мы пришли к церкви Богородицы, в которой находится ее гробница, а также гробница ее супруга Иосифа, гробница Анны и многих других[67]. Церковь эта стоит у самого подножия горы Елеонской и была воздвигнута, как говорят, Еленой, матерью Константина Великого[68]. Здесь монахи вошли в гробницу Девы Марии и там то ли отслужили мессу, то ли сотворили какие-то молитвы, мы же тем временем отправились обедать. В той церкви есть источник необычайно чистой воды, и, поскольку мы спускались словно в подземелье, там раздается удивительно громкое эхо или отзвук. Оттуда мы пошли к пещере, куда Иуда пришел предать Христа, когда Тот молился[69], и затем к саду, где наш Спаситель оставил Своих учеников, заповедав им бодрствовать и молиться, но нашел их спящими по Своем возвращении. После этого меня привели в сад, где Христос был взят под стражу — и все эти три последних места находятся в Гефсиманской долине[70].

21. Проезжая верхом к селению, имя которого носит долина [Гефсимания], по левую руку я увидел упомянутые ранее гробницы Авессалома и Иосафата, а по правую руку — поток Кедрон, в котором во время моего пребывания там не было ни единой капли воды. Ибо в действительности это всего лишь ров для отвода воды с двух холмов (я имею в виду гору Елеонскую и гору Сион), когда случаются сильные дожди, и этот ров или поток Кедрон пролегает в долине между обоими этими холмами. Прямо у потока Кедрон мне показали камень, отмеченный отпечатками стоп и локтей Христа, оставшимися с тех пор, как Его с силой повалили наземь при взятии под стражу; и с тех самых пор, как утверждают [францисканцы], там и пребывают эти следы[71]. Отсюда мы поехали к месту, где укрывался святой Иаков Младший и где после он был погребен[72]; там же мне показали, где был похоронен Захария, сын Варахиин[73], и привели меня к другому месту, где, как говорят, часто молилась Дева Мария[74]. Затем мы пришли к Силоамской купальне[75], в которой мы с господином Барреллом омылись, и оттуда нам показали место, где пророк Исайя был перепилен пилой[76]. После они препроводили нас к необычайно глубокому колодцу, где иудеи (по их словам) скрыли священный огонь во времена Навуходоносора[77]. Здесь мы поднялись из долины на

---

[64] См. Лк. 19:41–44.

[65] Традиционное место, где это случилось, ныне находится на территории русского Гефсиманского монастыря.

[66] В наши дни это традиционное место ассоциируется с построенным в 1967 году православным храмом св. Стефана в Кедронской долине.

[67] Имеется в виду церковь Успения Богородицы («Гробница Богородицы») в Гефсимании. В момент посещения Иерусалима Тимберлейком этот храм принадлежал францисканцам, ныне же им в основном владеет православный Иерусалимский патриархат, хотя в храме есть и армянский престол.

[68] В реальности первое письменное упоминание о церкви на этом месте относится к VI веку.

[69] Имеется в виду Грот Предательства (или Гефсиманский грот); в настоящее время он является частью латинского храма, принадлежащего францисканцам.

[70] Речь о Гефсиманском саде, где Иисус молился перед Своим арестом (Мф. 26:36–46).

[71] Это место известно со времен крестоносцев; ныне камень находится внутри православного монастыря св. Стефана в Гефсимании.

[72] С местом погребения апостола Иакова Алфеева францисканцы отождествляли сооружение, ныне известное как гробница семьи Хезир (II в. до н.э.).

[73] Название «Гробницы Захарии» носит относящийся к евангельской эпохе монумент неизвестного назначения; «Гробница» лишена погребальной камеры.

[74] Вероятно, это место, известное как пещера Гихон, ныне расположено на территории археологического парка «Город Давида».

[75] В Евангелии Силоамская купальня упоминается в рассказе об исцелении Иисусом слепца (Ин. 9:7).

[76] О казни пророка Исайи в Библии ничего не говорится, однако она упоминается уже в дохристианских еврейских источниках; убийцей пророка считается царь иудейский Манассия, который, согласно Библии, пролил «весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края» (4 Цар. 21:16).

[77] Имеется в виду источник Ен-Рогел (в христианской и иудейской традиции известный как Колодец Иова или Колодец Неемии, в мусульманской — Бир Айюб), глубина которого составляет ок. 38–40 метров. Рассказанное

склон холма, который лежит строго к югу от горы Сион; но между ними пролегает большая долина, называемая Генном[78], и там они показали мне место, где скрывались апостолы, представляющее собой пещеру в скале[79].

22. Поднявшись отсюда выше, они привели меня к полю, или, вернее, к скале, где находится общественное место погребения чужестранцев; это то самое место, как утверждают, что было куплено за тридцать сребреников, полученных Иудой в качестве платы за своего Наставника, и называется оно Акелдама[80]. Устроено оно следующим образом: сверху в нем пробиты три отверстия, а сбоку имеется отдушина; через верхние отверстия они опускают мертвые тела, по оценке, примерно на 50 футов вниз. В этом месте я видел два тела, опущенных совсем недавно, и, заглянув вниз (а там, где лежат мертвые тела, очень светло благодаря трем большим отверстиям вверху), я почувствовал такой смрад, что мне ударило в голову и сделалось весьма дурно; так что я был рад просить монахов не идти дальше, но вернуться домой в город. И так здесь мы прошли через долину Генном. У подножия горы Сион, имея при себе небольшую бутыль воды, которую я наполнил в Силоамской купальне, я попил и отдыхал там около часа, съев немного изюма и маслин, которые мы захватили с собой из Иерусалима утром.

23. После того как я хорошо отдохнул и подкрепился, мы начали подниматься на гору Сион. Немного взойдя на холм, мне показали место, где Петр, трижды отрекшись от Христа и услышав пение петуха, вышел вон и горько заплакал[81]. Поднявшись выше, мне показали дом, где обитала Дева Мария, который находился близ Храма[82]. Затем меня привели к месту, где иудеи напали на Пресвятую Деву, чтобы схватить её, но она была чудесным образом перенесена оттуда[83]. Оттуда мы направились к дому Каиафы, который находился несколько

францисканцами предание о «священном огне» — это сюжет из Второй книги Маккавейской (2 Макк. 1:19–22). Согласно этому тексту, перед отправкой иудеев в Вавилонский плен благочестивые священники тайно взяли огонь с жертвенника Иерусалимского Храма и спрятали его на дне глубокого сухого колодца. Спустя много лет Неемия, присланный персидским царем [Артаксерксом I], послал потомков тех священников забрать огонь. На дне колодца они обнаружили не пламя, а «густую воду» (вероятно, нефть). Неемия приказал окропить этой водой дрова на новом жертвеннике, и как только из-за облаков вышло солнце, чудесным образом «воспламенился большой огонь».

[78] Топоним «долина Генном» в евангельский период обладал символизмом, восходящим к ветхозаветной истории. Распространенная в популярной литературе гипотеза о том, что в I веке н. э. здесь располагалась постоянно горящая городская свалка, кишевшие насекомыми нечистоты которой послужили прообразом ада (Мк. 9:44), не находит подтверждения в источниках и опровергается данными библейской археологии. В реальности метафора «геенны огненной» имеет сугубо историко-религиозные корни: в эпоху Иудейского царства (VIII–VII вв. до н. э.) эта долина служила местом совершения языческих человеческих жертвоприношений (2 Пар. 28:3; Иер. 7:31). Языческое капище было уничтожено царем Иосией (4 Цар. 23:10), а сама долина была проклята пророком Иеремией, предрекшим ей статус «долины Убийства», заваленной непогребенными трупами грешников (Иер. 7:32–33).

[79] В настоящее время эта пещера встроена в интерьер подземной церкви православного монастыря св. Онуфрия Великого.

[80] См. Деян. 1:19.

[81] См. Мф. 26:69–75, Мк. 14:66–72, Лк. 22:55–62, Ин. 18:15–27. Во времена Тимберлейка на традиционном месте отречения Петра находились лишь развалины церкви, построенной крестоносцами. В первой половине XX века здесь был сооружен католический храм св. Петра в Галликанту.

[82] Описываемый Тимберлейком «дом, где обитала Дева Мария» отражает предание о месте жительства Богородицы после распятия Христа, когда она была вверена попечению апостола Иоанна Богослова (Ин. 19:27). В византийский период это место входило в периметр Сионской базилики, окончательно разрушенной в XIII веке. На рубеже XVI–XVII веков францисканцы демонстрировали паломникам руины этого комплекса. В начале XX века на этом историческом фундаменте силами немецких католиков было возведено аббатство Успения Пресвятой Богородицы (Дормицион), существующее по сей день.

[83] Описываемый Тимберлейком эпизод нападения на Богородицу представляет собой искажение популярного апокрифического сюжета, входящего в цикл сказаний об Успении Девы Марии. Согласно этому преданию, во время погребальной процессии, когда апостолы несли одр с телом Марии с горы Сион в Гефсиманию, группа радикально настроенных жителей Иерусалима во главе со священником Иефонией (в западной традиции — Афонией) попыталась напасть на шествие и перевернуть ложе, однако их предводитель был мгновенно покаран явившимся ангелом, отсекшим ему кисти рук.

выше на горе Сион, и там я видел темницу, в которой удерживали нашего Спасителя[84]. Проходя еще выше, меня проводили к маленькой часовне, которую удерживают армяне[85]. Войдя туда, у главного алтаря мне показали камень, который, как утверждают, лежал на Гробе нашего Спасителя; это место находится близ того, где Петр отрекся от Христа, ибо там же мне показали столп, на котором стоял петух, когда кукарекал[86]. Отсюда меня привели к месту, где Спаситель совершил Тайную вечерю, и там я также подошел к месту, где Святой Дух сошел на апостолов[87]. Проходя далее, мне показали место, где Христос явился Своим ученикам на восьмой день после Своего Воскресения, когда святой Фома пожелал узреть Его раны[88]. Близ этого места на горе Сион [находилось место, где] преставилась Дева Мария, и прямо рядом с ним мне показали участок земли, купленный Папой [Римским][89] у турок для погребения европейских христиан[90], поскольку он не желал, чтобы их бросали в Акелдаму. Нам рассказали, что за год до того на этом месте были похоронены пятеро англичан; было ли причиной [их смерти то], что монахи отравили их, или нечто иное, но мы сочли весьма странным, что все пятеро скончались в течение одной недели. Оттуда мы пришли к дому первосвященника Анны, от которого ныне осталась лишь пара очень старых стен, и ничего более от него не видать; но у края одной из стен растет старая маслина, к которой, как мне поведали, Спаситель был привязан [стражниками][91]. Когда я спросил, почему они так поступили, мне сказали, что, когда Его привели к этому дому, Анна спал, и его люди не захотели будить его; потому на время ожидания они привязали Иисуса к упомянутой маслине, а когда первосвященник пробудился, Его ввели в дом и допрашивали.

Глава VII: Внутри городских стен и поездка в Вифлеем (27–28 марта 1601 года)

24. Направляясь оттуда к Южным воротам города[92], которые также стоят на горе Сион, мы спешились с ослов. Войдя внутрь [ворот], я хорошенько приметил их, ибо к этому времени видел уже трое из четырех главных ворот. И поскольку мне также очень хотелось увидеть Северные ворота[93], меня провели к церкви святого Фомы, которая находится внутри стен и совершенно разрушена[94]; затем — к церкви святого Марка, куда пришел Петр, когда ангел вызволил его из темницы, взломав ворота[95].

---

[84] Локализация дома Каиафы и темницы Христа на вершине горы Сион отражает состояние паломнической топографии Иерусалима на рубеже XVI–XVII веков. В описываемый период францисканцы и армяне прочно связывали дворец первосвященника с комплексом построек армянского монастыря Святого Спасителя (Сурб-Пркич). В современной паломнической практике Иерусалима основным местом ночного заключения Христа считается подземный каземат под церковью Галликанту, тогда как Сурб-Пркич открывается для паломников лишь на 30 минут в день, а тамошняя «темница Христа» полностью недоступна.

[85] Речь о храме монастыря Сурб-Пркич.

[86] Эти реликвии в наше время находятся в Сурб-Пркиче.

[87] Речь идет о «Сионской горнице» — двухэтажном готическом здании, построенном францисканцами в XIV веке на предполагаемом месте Тайной вечери, причем на первом этаже располагалась (и ныне находится) реальная или символическая могила библейского царя Давида. Традиционные места Тайной вечери и сошествия Святого Духа располагались в одной и той же комнате на втором этаже.

[88] Это место также находилось на втором этаже «Сионской горницы», у северной стены.

[89] Инициатором покупки выступил Папа Пий IV (1559–1565).

[90] Имеется в виду Латинское кладбище на горе Сион, существующее в настоящее время.

[91] На месте традиционного дома Анны со старинной маслиной с XII века существовал армянский монастырь Святых Архангелов, также называвшийся Дейр аль-Зайтун («Монастырь оливкового дерева»). В 1580-х годах он был разрушен османами (именно этот период упадка описывает Тимберлейк). Армянская община восстановила монастырь в XVIII–XIX веках, и он существует и в наше время.

[92] Имеются в виду Сионские ворота.

[93] Имеются в виду Дамасские ворота.

[94] Ныне не существующая церковь, построенная в XII веке крестоносцами.

[95] Имеется в виду Сиро-Яковитский монастырь св. Марка, построенный в память об описанном в Новом Завете чудесном избавлении апостола Петра из темницы царя Ирода Агриппы (Деян. 12:1–17). Яковиты также почитали

25. После мне показали дом Зеведея[96], откуда мы пришли к месту, которое принадлежит абиссинцам[97]. Поднявшись туда сперва по темному переходу, где нас вели по веревке или шнуру, мы достигли высокого места близ храма Гроба Господня. Там я заплатил две серебряные монеты, чтобы войти внутрь, и, оказавшись там, спросил, что это за место. «То самое, — ответили мне, — где Авраам хотел принести в жертву своего сына Исаака». Оттуда мы направились к темнице, в которой томились святой Петр и святой Иоанн[98]; она находилась по соседству с той темницей, куда ранее бросили меня, отчего мне стало еще досаднее, что мне не довелось побывать в ней, раз уж она была так близко. Отсюда мы пришли к Северным воротам, расположенным со стороны холма Голгофы; и там, хорошенько осмотрев ворота и заметив, что уже смеркается, мы направились прямиком домой. Так завершился мой третий день трудов в Иерусалиме и его окрестностях, причем я немало утомился от частого спешивания ради молитвы — ибо в каждом из перечисленных выше мест мы сходили на землю и коленопреклоненно читали молитву Господню.

26. На следующий день, 28 марта, рано утром мы взяли наших ослов и выехали через Западные ворота, через которые я впервые вошел в город. Направляясь далее к югу, мы оставили гору Сион по левую руку; у самого ее подножия мне показали дом Урии и источник, в котором омывалась Вирсавия, когда царь Давид высматривал ее из своей башни[99]. Оттуда мы поехали к месту, где ангел подхватил Аввакума за волосы на голове, дабы перенести пищу Даниилу в львиный ров[100]. Затем мы прибыли к месту, где волхвы вновь обрели звезду, когда та скрылась из виду[101], а после — туда, где Дева Мария отдыхала под деревом, когда шла из Вифлеема в Иерусалим[102]; дерево это до сих пор поновляют, подсаживая другое прямо к его корню.

27. Отсюда мы поехали к дому пророка Илии, где мне показали его обычное место для сна[103]; и дом этот стоит на таком холме, что оттуда я смог различить вдали сам Вифлеем. Оттуда мы направились к старому разрушенному дому, который, как мне поведали, принадлежал Иакову; и это весьма похоже на правду, ибо на прилегающем к нему поле находится Гробница Рахили,

---

этот монастырь как подлинное место Тайной вечери, но францисканцы, водившие Тимберлейка, сознательно умолчали об этой «конкурирующей» версии Пятидесятницы.

[96] «Дом Зеведея», отца апостолов Иакова Старшего и Иоанна Богослова (Мф. 4:21), францисканцы отождествляли с построенной крестоносцами и ко времени Тимберлейка разрушенной церковью св. Иоанна Богослова.

[97] Тимберлейк описывает комплекс построек, примыкающих к Храму Гроба Господня с восточной стороны, который исторически принадлежал Эфиопской (Абиссинской) Православной Церкви. Путь «по темному переходу» точно фиксирует проход через византийские галереи и подземную цистерну св. Елены, который ведет на крышу приделов храма — в т.н. монастырь Дейр ас-Султан, где по сей день располагаются кельи эфиопских монахов. Демонстрируемое здесь «место жертвы Авраама» отражает паломническую традицию, согласно которой ветхозаветная гора Мориа (Быт. 22:1–14) находилась в непосредственной близости от Голгофы, что позволяло соединить в общем сакральном пространстве ветхозаветный прообраз жертвы Христа и его новозаветное исполнение.

[98] Упоминаемая Тимберлейком «темница святых Петра и Иоанна» в современной топографии Иерусалима представляет собой подземную крипту действующего православного монастыря св. Никодима. Главной реликвией подземной часовни монастыря по сей день остаются вырубленные в скальной породе ножные колодки, в которые, по преданию, были заключены апостолы (Деян. 4:1–3).

[99] Речь идет о бассейне Султана (араб. بركة السلطان), гидротехническом резервуаре, который крестоносцы и позже францисканцы отождествляли с купальней Вирсавии (см. 2 Цар. 11:2–4).

[100] Рассказ об этом содержится в неканонической части библейской Книги Даниила (в русских православных изданиях — Дан. 14:33–39).

[101] Имеется в виду т.н. «Колодец волхвов». Согласно преданию, покинув дворец Ирода, волхвы на какое-то время потеряли из виду Вифлеемскую звезду, но когда они подошли к этому колодцу и наклонились, чтобы зачерпнуть воды, они увидели ее отражение на водной глади.

[102] Имеется в виду церковь Кафисмы, христианский храм V века, окончательно разрушенный в XIII веке. Предание о том, что здесь отдыхала Дева Мария, восходит к Протоевангелию Иакова.

[103] Имеется в виду православный монастырь св. Илии, основанный в VI веке и восстановленный крестоносцами. Отпечаток тела пророка Илии — одна из традиционных реликвий монастыря.

супруги Иакова[104]. Примерно в двух милях от этой гробницы, на том же поле, лежит селение под названием Бейт-Джала, все жители которого являются христианами[105]. На этом огромном поле, что раскинулось между Иерусалимом и Вифлеемом, некогда стоял лагерем Синаххериб, когда осаждал Иерусалим[106].

28. Оттуда мы поехали к полю, где ангелы возвестили пастухам благую весть о великой радости[107] (оно находится в двух милях от Вифлеема), а оттуда мы направились в сам Вифлеем, к монастырю, в котором проживают около десяти монахов[108]. Меня встретили весьма любезно и привели сперва в большую церковь, а затем в просторный притвор, где я увидел имя господина Хьюго Стейперса[109], дважды вырезанное одно над другим, и между ними обоими я начертал свое имя. Затем меня проводили вниз по ступеням в крипту, где на месте рождества Спасителя устроен придел, заключающий в себе как само это место, так и ясли, в которые был положен Христос, а также место, где волхвы поднесли Ему свои дары[110].

29. Над этой часовней стоит большая церковь, воздвигнутая, как утверждают, царицей Еленой, матерью Константина Великого[111]; а далее внутри я увидел различные гробницы святых мужей и других людей. Поднявшись на самый верх церкви, я вновь увидел на свинцовой кровле выгравированное имя господина Хьюго Стейперса, что заставило меня с еще большим тщанием искать имена других англичан; однако, не найдя ни одного, я вырезал свое имя и спустился вниз. Затем мы вошли внутрь и отобедали с монахами. После обеда меня отвели к месту, где укрывалась Дева Мария, когда [воины царя Ирода] искали младенцев, дабы предать их смерти[112]. Итак, простившись с Вифлеемом и вручив монахам три золотые монеты за мой обед и за моих спутников, коих со мной было восемь человек[113], мы сели на своих ослов и

---

[104] Гробница библейской Рахили, жены патриарха Иакова, известна с IV века и почитается иудеями, христианами и мусульманами. Во времена Тимберлейка представляла собой купол на четырех колоннах. В XVII веке была перестроена в закрытое здание, расширенное в XIX веке. В наши дни здесь находится синагога.

[105] Во времена Тимберлейка население Бейт-Джалы состояло из православных арабов. В наши дни большинство жителей являются христианами разных конфессий (православные, католики и лютеране), тогда как около трети составляют мусульмане-сунниты. По местному закону, мэр города должен быть христианином.

[106] Поле, которое описывает Тимберлейк, — это историческая долина Рефаим (араб. البقعة, аль-Бакаа). Автор ссылается на описанную в Библии осаду Иерусалима войсками ассирийского царя Синаххериба в 701 году до н. э. во время правления иудейского царя Езекии (4 Цар. 18:13–19:37; Ис. 36–37). Согласно Библии, огромное ассирийское войско было чудесным образом уничтожено за одну ночь прямо в своем лагере, после чего Синаххериб снял осаду.

[107] Имеется в виду Поле пастушков, на котором в настоящее время находится православный монастырь Пастухов. Во времена Тимберлейка здесь можно было видеть лишь руины монастыря IV–VI веков, ныне известные как Сияр аль-Ганам (араб. سير الغنام, букв. овечий загон). Интересно, что в описании Тимберлейка слова «возвестили… благую весть о великой радости» (ориг. brought tidings of great joy) — это прямая (с поправкой на прошедшее время глагола) цитата из английской Библии Епископов (1568), которая использовалась в богослужении Церкви Англии того времени.

[108] Имеется в виду францисканский монастырь с храмом св. Екатерины, примыкающий к базилике Рождества в Вифлееме.

[109] Хьюго (Хьюэт?) Стейперс — вероятно, сын Ричарда Стейпера (ум. 1608), одного из основателей Левантийской компании.

[110] Имеется в виду Пещера Рождества, расположенная под базиликой Рождества.

[111] Имеется в виду сама базилика Рождества. Она действительно была заложена в 320-х годах по инициативе императора Константина Великого и при жизни его матери Елены, но освящение храма состоялось лишь в 339 году, уже после смерти Елены (330).

[112] Имеется в виду Молочный грот, расположенный в нескольких сотнях метров к юго-востоку от базилики Рождества. Согласно преданию, здесь короткое время, накануне бегства в Египет и избиения младенцев (Мф. 2:13–16), жило Святое Семейство; однажды во время кормления Младенца Иисуса капли молока Богородицы упали на камень, после чего все стены пещеры чудесным образом окрасились в белый цвет. Частицы белого камня из этого грота считались паломниками средством от бесплодия и лихорадки.

[113] Тимберлейк расплатился с монахами тремя венецианскими цехинами или османскими султани. Эти монеты имели идентичный вес 3,5 г чистого золота каждая. По золотому эквиваленту это составляло около 870 современных долларов США, а по покупательной способности в Англии — 500–600 долларов. В золоте цена обеда была очень высокой — в 7–8 раз больше, чем он стоил бы в хорошей таверне в Лондоне, и почти в 10 раз больше, чем он стоил бы в городском караван-сарае османской Палестины.

поехали к колодцу, из которого три военачальника царя Давида добыли для него воду, пробившись сквозь всё филистимлянское воинство[114]. Колодец этот расположен на небольшом расстоянии от Вифлеема по направлению к Иерусалиму и имеет три отверстия для черпания воды.

Глава VIII: Ночь внутри храма Гроба Господня (28–29 марта 1601 года)

30. Оттуда мы тотчас отправились обратно в Иерусалим и вошли в городские ворота в четыре часа пополудни, а в пять часов турки впустили нас в храм Гроба Господня, причем каждый из нас заплатил по девять золотых монет за вход[115]. Едва мы зашли внутрь, как они заперли ворота на замок, так что я оставался там до одиннадцати часов следующего дня, после чего мы вышли наружу. Далее следует описание того, что я узрел в храме Гроба Господня.

Прежде всего я заметил, что снаружи у ворот свисает по меньшей мере сто шнуров или веревок, а в самих воротах пробито большое отверстие, в которое легко может пролезть маленький ребенок. Спросив о причине сего, я узнал, что отверстие это служит для передачи съестных припасов тем, кто обитает внутри церкви — а это более трехсот человек, мужчин и женщин, все христиане. И живут они там постоянно, день и ночь, и не имеют возможности выйти наружу или войти внутрь, кроме тех случаев, когда турки отпирают ворота для какого-нибудь паломника, чего иногда не случается по четырнадцать дней подряд. По этой причине обитатели-христиане обустроили в храме целые домашние хозяйства и возвели для себя дощатые жилища. Веревки, о которых говорилось выше и что свисают у ворот, соединены каждая с колокольчиком, закрепленным у жилых каморок; и когда их слуги, находящиеся снаружи, приносят им какую-либо пищу, каждый звонит в колокольчик, принадлежащий его хозяйству, и те соответственно приходят (зная каждый свой колокольчик), дабы принять пищу.

31. Различные толки христиан, коих я видел в этой церкви, я опишу вам по порядку. Первые — латиняне[116], ибо они пользуются здесь наибольшим влиянием. Вторые — греки[117], ибо они вторые по численности после латинян, однако для турок они немногим лучше рабов. Третьи — армяне, которые столь долгое время были слугами турок, что, позабыв свой собственный язык, совершают все свои обряды на арабском языке, что я сам слышал[118]. Четвертый толк христиан — несториане, кои пребывают в рабстве у турок и не знают иного языка, кроме арабского[119]. Пятые — абиссинцы, каковые суть люди из земли Пресвитера Иоанна[120]. Шестые — яковиты, каковые суть обрезанные христиане, но равным образом рабы и слуги турок[121].

---

[114] Имеется в виду колодец (цистерны) царя Давида на въезде в Вифлеем со стороны Иерусалима. Это место связывают с библейским повествованием (1 Пар. 11:15–19; также 2 Цар. 23:14–17), согласно которому во время войны с филистимлянами томимый жаждой Давид воскликнул: «Кто напоит меня водою из колодезя Вифлеемского, что у ворот?» Трое его храбрых военачальников прорвались сквозь филистимлянский стан, зачерпнули воды и принесли царю. Колодец сохранился до нашего времени ровно в том виде, в котором он описан у Тимберлейка.

[115] Огромный размер платы, взимаемой турками за отпирание дверей храма Гроба Господня (по 31,5 г золота с человека, что по покупательной способности в Англии составляло около 1500–1800 современных долларов США, а в османской Палестине — более 4000 современных долларов США), подтверждается сообщениями других путешественников той эпохи, например Джорджа Сэндиса (см. Religious Ambiguity at the Periphery of the Habsburg Mediterranean: Protestant Pilgrims and their Interactions with Franciscan Friars in Jerusalem in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // The Habsburg Mediterranean 1500–1800 / ed. by S. Hanß, D. McEwan. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2021. P. 201–228).

[116] Ориг. Romans, т.е. представители Римско-Католической Церкви.

[117] Имеются в виду православные, т.е. представители Иерусалимского Патриархата.

[118] Тимберлейк ошибся: Армянская Апостольская Церковь (в отличие от единоверных ей Сиро-Яковитской и Коптской Церквей) никогда не использовала арабский язык в богослужении.

[119] Также ошибка: несториане (Церковь Востока) использовали в богослужении сирийский язык, хотя между собой общались действительно в основном по-арабски.

[120] Тимберлейк отождествляет легендарную «землю Пресвитера Иоанна» (неведомую восточную землю, согласно средневековым европейским легендам управляемую царем-священником Иоанном) с Эфиопией.

[121] Под термином «яковиты» Тимберлейк, вероятно, понимал не только членов Сиро-Яковитской, но также и Коптской Церкви, которые действительно практиковали обрезание.

Все они, христиане лишь по имени, выкупили у турок для себя отдельные места в этой церкви и каморки для отдыха, и число их изо всех этих шести толков никогда не бывает менее двухсот пятидесяти или трехсот человек, что постоянно там находятся и молятся каждый на свой манер.

32. Места, где они обычно ходят и творят свои молитвы, устроены так, как я их описываю и как римские монахи водили меня к ним:

1. Столп, у которого бичевали нашего Спасителя[122].
2. Место, где Он содержался под стражей, пока готовили или мастерили Его крест[123].
3. [Место,] где воины делили Его одежды[124].
4. [Место,] где царица Елена обрела крест [Христа][125]; оно находится у подножия горы Голгофы, и прямо рядом с ним — придел помянутой царицы Елены[126].
5. Место, где Христос был увенчан терновым венцом[127]; его я не мог увидеть, пока не ублажил абиссинцев[128], кои стерегли его, дав им две серебряные монеты.
6. Место, где крест положили навзничь на землю и пригвоздили к нему Спасителя[129].
7. Место на вершине горы Голгофы, где стоял крест, когда Он претерпевал страсти[130].
8. Скала, что рассеклась при Его распятии[131], зрелище коей весьма стоит лицезреть, ибо она расколота, словно её расщепили клиньями и тяжелыми молотами, от самого верха до двух третей книзу, словно бы от темени до груди скалы. И расселина эта не мала, но столь велика в некоторых местах, что человек мог бы легко в ней укрыться, книзу же она становится всё меньше и меньше.
9. Место, где три Марии помазали Христа по Его кончине[132].

---

[122] Эта колонна расположена в латинской церкви Явления Христа Деве Марии, представляющей собой часть францисканского монастыря в северной части храма Гроба Господня.

[123] Имеется в виду православный придел Темницы Христовой. Очевидно, Тимберлейк осматривал храм, следуя из францисканского монастыря по часовой стрелке.

[124] Имеется в виду армянский придел Разделения риз.

[125] Имеется в виду подземный придел Обретения креста — самая глубокая подземная точка Храма Гроба Господня; во времена Тимберлейка он принадлежал францисканцам, а в первой половине XIX века был частично передан православным.

[126] Имеется в виду армянский придел св. Елены (он же часто именуется приделом св. Григория по названию своего главного престола), расположенный несколько выше придела Обретения креста. Тимберлейк прошел через придел св. Елены, спускаясь в придел Обретения и возвращаясь обратно.

[127] Имеется в виду православный придел Поругания, расположенный слева от лестницы, ведущей вниз (в частности, в приделы св. Елены и Обретения креста). Таким образом, Тимберлейк немного вернулся назад (против часовой стрелки).

[128] Во времена Тимберлейка придел Поругания принадлежал Эфиопской Церкви; позже, в 1660-х годах, турки передали придел православным, которые владеют им и сегодня.

[129] Имеется в виду придел Пригвождения (см. также следующую сноску).

[130] Имеется в виду придел Распятия. На вершине Голгофы, расположенной в юго-восточной части храма Гроба Господня (справа от входа), имеется единое пространство. Его северная часть — православный придел Распятия, южная — латинский придел Пригвождения. Чтобы увидеть и то и другое, Тимберлейку нужно было всего лишь оглядеться.

[131] Имеется в виду трещина в камне Голгофы, которая видна как из придела Распятия, так и из расположенного на нижнем уровне Голгофы православного придела Адама.

[132] Имеется в виду камень Помазания. Почитание этого места возникло во времена крестоносцев, и Тимберлейк видел камень, установленный ими в XII веке. В 1810 году, в ходе ремонта храма Гроба Господня после пожара, уничтоженная средневековая плита была заменена существующей ныне плитой из розового известняка. Однако и средневековая, и существующая ныне плиты скрывают скальный выступ, почитавшийся христианами как подлинное место помазания тела Христова. Установленной ныне к северу от камня Помазания стены с мозаикой во времена Тимберлейка не было.

10. Где Он явился Марии Магдалине в облике садовника[133].

33. И отсюда мы подошли к самому Гробу Господню, который является последним местом, где все [паломники] заканчивают молитвенное поклонение[134]. Оттуда я отправился осмотреть гробницы Балдуина и Годфрида Бульонского[135], и, вернувшись от них назад ко Гробу, я измерил расстояния между всеми этими местами, проводя таким образом время с пяти часов пред наступлением ночи, когда я вошел, до одиннадцати часов следующего дня, когда вышел наружу, записывая всё, что счел достойным примечания.

34. Итак, когда мы с моим спутником, господином Джоном Барреллом, вышли из храма, мы отправились на обед к кустоду, где услышали вести, что еще пятеро англичан прибыли к городским воротам, держа путь в Алеппо. Их имена: господин Уильям Биддалф[136], проповедник при английских купцах, что постоянно проживают в Алеппо; господин Эдвард Эббот[137], приказчик достопочтенного сэра Джона Спенсера; господин Джеффри Кирби[138], приказчик почтенного господина Пола Бейнинга и его постоянный представитель в Алеппо; и еще двое молодых людей, одного из которых звали Джон Элкинс, а другого — Джаспер Тимн. Эти пятеро, прознав о моем пребывании здесь, пришли к нам в дом. И хотя они не были свидетелями моего ареста и не сопровождали меня при осмотре Иерусалима и его окрестностей, они могут подтвердить, что еще у городских ворот их известили обо всем случившемся со мной, и готовы засвидетельствовать подлинность всех остальных описанных мною событий. Этих мужей, как и моего спутника, господина Джона Баррелла, я оставил в Иерусалиме, отправившись оттуда, дабы повидать другие места в палестинских землях. Но позвольте мне сперва поведать вам, что я заметил в расположении самого города, поскольку перед тем, как я прибыл сюда, меня уверяли, будто он весь лежит в руинах, хотя, увидев его воочию, я нашел его в ином состоянии, имея при себе небольшой компас, дабы наносить на карту те места, до коих мог легко добраться.

Глава IX: Географические аналогии и состояние страны (29–31 марта 1601 года)

35. Прежде всего следует понять, что самый центр старого города находился на горе Сион и горе Мориа. К северу от них, всего на расстоянии броска камня[139] и не далее, находилась гора Голгофа, лежавшая за воротами старого города. Однако теперь я нахожу, что новый город расположен столь далеко к северу, что он почти целиком ушел с горы Сион, но при этом не ушел с горы Мориа, которая находилась между горой Сион и горой Голгофой — так что ныне, вне всякого сомнения, южные стены города находятся у северного подножия Сионского холма.

---

[133] Имеется в виду придел «Noli me tangere» («Не прикасайся ко Мне» (Ин. 20:17)), ныне известный как придел св. Марии Магдалины. Он представляет собой часть францисканского монастыря в северной части храма Гроба Господня, откуда Тимберлейк начал его осмотр.

[134] Под «Гробом Господним» (ориг. Sepulchre) Тимберлейк понимает расположенное внутри кувуклии погребальное ложе Христа, вокруг которого сооружена кувуклия (ориг. Chapel), представляющая собой центр храма Гроба Господня. Тимберлейк осматривал т.н. третью кувуклию, перестроенную францисканцами в 1555 году под руководством Бонифация Рагузинского. Она сгорела в пожаре 1808 года и была заменена нынешней кувуклией, построенной греческим архитектором Николаем Комниносом.

[135] Саркофаги короля Иерусалимского Балдуина I и вождя Первого крестового похода герцога Годфрида Бульонского были уничтожены пожаром 1808 года и не восстанавливались. Они располагались у основания Голгофы, где ныне находится придел Адама.

[136] Уильям Биддалф (Biddulph, у Тимберлейка искаженное Bedle, упоминается ок. 1600–1612) — английский священник и путешественник; в рассказах Биддалфа о путешествиях по Востоку (Biddulph W. The trauels of certaine Englishmen (…). London: Thomas Haveland, 1609) упомянута встреча с Тимберлейком.

[137] Эдвард Эббот (Abbot) — приказчик (фактор) сэра Джона Спенсера — бывшего лорд-мэра Лондона и одного из богатейших английских купцов своего времени.

[138] Джеффри Кирби (Kirby, ок. 1575–1632) — фактор Пола Бейнинга (у Тимберлейка искаженное Banning), одного из богатейших купцов Англии; впоследствии член правления Ост-Индской компании (1608–1632) и в 1629 году ненадолго лондонский олдермен.

[139] Библейская идиома (Лк. 22:41), ок. 50 м.

Восточная стена, что обращена к Елеонской горе, в значительной части своей является древней стеной[140], и так она тянется от юго-восточного угла на север, на четверть мили позади горы Голгофы — так что гора Голгофа, которая в прежние времена находилась на расстоянии броска камня за пределами города и обычно использовалась как место для казней, ныне, как мне кажется, расположена в самом центре или середине нового города.

36. Эта гора Голгофа не столь высока, чтобы именоваться горой, но представляет собой скорее остроконечную или вздымающуюся скалу, ибо я приметил её расположение как тогда, когда находился на самой ее вершине, так и тогда, когда подошел к Гробу Господню. Гроб отстоит от неё (я имею в виду — от ее подножия) на 173 фута, как я сам то измерил; из чего я заключаю, что место погребения, которое Иосиф Аримафейский приготовил для себя[141], находилось в 173 футах к западу от подножия горы Голгофы, и именно в этом месте находится Гроб Спасителя.

37. Сам Гроб имеет в высоту два фута с половиной от земли, восемь футов в длину и четыре фута в ширину без трех дюймов, будучи обложен прекрасным камнем белого цвета. Над Гробом выстроена кувуклия[142], северная стена которой вплотную примыкает к северной стороне Гроба; и кувуклия сия сложена из такого же камня, как и сам Гроб, имея пятнадцать футов в ширину, двадцать пять футов в длину и около сорока футов в высоту. В кувуклии всегда горят тридцать или сорок лампад, а в праздничные дни и более. Они содержатся на дары, получаемые по завещанию при кончине христиан в Испании, Флоренции и других землях, дабы светить непрестанно. Имена жертвователей этих лампад выгравированы по верхним краям оных золотыми буквами, расположенными на золотом или серебряном ободке.

38. Кувуклия заключена внутри храма [Гроба Господня], и притом стенами [храма] окружена не только она, но и все названные выше святые места, а именно: где Христа бичевали; где Он находился в темнице; где были разделены Его одежды; где был обретен крест; где Он был увенчан терновым венцом; где Его пригвоздили ко кресту; где стоял крест, когда Он претерпевал страсти; где разорвалась завеса Храма; где три Марии помазали Его; где Он явился Марии Магдалине. И, говоря вкратце, все наиболее примечательные места как вокруг горы Голгофы, так и на принадлежавшем Иосифу поле Аримафейском, заключены внутри этой церкви, каковая была выстроена помянутой выше царицей Еленой, матерью Константина Великого — причем она, как я читал у некоторых авторов, была англичанкой и дочерью короля Койля, что построил Колчестер[143]. Когда я завел об этом речь с ними [=францисканцами], они сие отвергли. Я измерил эту церковь изнутри и нашел, что она имеет 422 сажени[144] в окружности, равно как и одну из её сторон я нашел равной 130 саженям. Это всё, что я могу сказать о горе Голгофе, что ныне находится посреди города.

39. Путь от северо-восточного угла города до северо-западного — самый короткий в городе, а от северо-западного угла до юго-западного — столь же далек, как от юго-восточного до северо-восточного. Что же до расстояния от юго-западного угла до юго-восточного — а это и есть южная стена, что стоит у подножия горы Сион, — то я измерил его и нашел равным 3775 футам, что составляет около трех четвертей мили. На этой южной стороне города находятся большие Железные ворота[145], возле которых расставлены семнадцать штук бронзовых орудий. Ворота эти столь же велики, как и западные ворота лондонского Тауэра, и чрезвычайно крепки; стены здесь очень толстые, а с южной стороны имеют 50 или 60 футов в высоту — это всё, что я могу сказать о южной стене и стороне города.

---

[140] Восточная стена османского Иерусалима действительно совпадала по расположению с более древними стенами вплоть до времени царя Езекии (VIII–VII вв. до н.э.).
[141] См. Мф. 27:59–60.
[142] Ориг. Chapel, букв. церковка, придел, часовня, капелла.
[143] Тимберлейк приводит легендарную историю о полумифическом бриттском правителе Койле Старом (ум. ок. 420 г.), которому традиционно приписывалось основание Колчестера. В реальности мать Константина Великого Флавия Юлия Елена Августа родилась около 250 года н.э. в городе Дрепана в Вифинии (Малая Азия).
[144] Ориг. Fathoms. 1 английская сажень (фатом) равна 6 футам, или ок. 1,83 м.
[145] Имеются в виду Сионские ворота.

40. Северная стена несколько менее длинна, но куда более крепка, ибо с северной стороны город часто бывал захвачен, с южной же — никогда. А с восточной стороны он неприступен по причине крутизны холма, на котором стоит стена, ибо холм в пять раз выше самой стены. На северной стороне также имеются 25 штук бронзовых орудий близ [Дамасских] ворот, которые также, [как и Сионские ворота,] сделаны из железа; но что находится в иных местах, как-то на углах или бастионах, я не смог пройти посмотреть, а расспрашивать не осмелился. Восточная стена заключает в себе ворота, чуть поодаль от коих святой Стефан был побит камнями, и по сей день именуемые воротами святого Стефана[146]. Я видел там всего пять штук орудий, и находились они между этими воротами и уцелевшими остатками Золотых ворот, что расположены южнее.

41. Что же касается западной стороны города, через ворота в которой[147] я въехал при своем первом прибытии, то она также весьма крепка и имеет пятнадцать штук орудий, стоящих близко друг к другу, и все они из бронзы. Ворота эти также сделаны из железа, и эта западная стена в целом столь же длинна, как и восточная, но стоит на более высоком месте — так что, приближаясь к западной стене с запада, в городе нельзя увидеть ничего, кроме самой этой стены. Однако с Елеонской горы, приближаясь к городу с востока, открывается прекраснейший вид на город по той причине, что весь город стоит на самом краю холма.

42. В заключение скажу: сей город Иерусалим — самый укрепленный из всех городов, кои я доселе видел в своем странствии с тех пор, как покинул Великий Каир. Однако прочая часть страны весьма беззащитна. При этом в самом городе Иерусалиме на одного турка приходится три христианина, и христиан также много в окрестных землях, однако все они под турецкой властью пребывают в бедности.

43. Теперь же, дабы вы могли легче и совершеннее уразуметь, как именно расположены земли вокруг Иерусалима, я попросту сравню различные здешние места с нашими собственными английскими городами и весями, согласно той верной оценке, которую я сам здесь сделал[148]. Представьте себе для начала, что Иерусалим — это Лондон. Город Вифлеем, где родился Христос Спаситель, отстоит от Иерусалима примерно так же, как Уондсворт от Лондона — я имею в виду, весьма близко к тому по расстоянию. Дубрава Мамре находится от Иерусалима на таком же расстоянии, как Гилфорд от Лондона; в этом месте или близ него расположен город Хеврон, где похоронен праотец Авраам. Вирсавия отстоит от Иерусалима, как Олтон от Лондона. Рамоф Галаадский — как Рединг от Лондона. Газа, что находится в юго-западной части Палестины, удалена от Иерусалима так же, как Солсбери от Лондона. Аскалон лежит к северо-востоку от Газы. Иоппия отстоит от Иерусалима, как Олдбери от Лондона. Самария — как Ройстон от Лондона. Город Назарет — как Норидж от Лондона.

От Назарета до гор Фавор и Ермон пять миль к северо-востоку; эти две горы стоят совсем рядом друг с другом, причем Фавор крупнее. От Фавора до Тивериадского моря[149] — восемь миль к северо-востоку.

От Иерусалима до горы Синай десять дней пути, и [Иерусалим лежит] к северо-востоку от нее. В тех местах, о которых я только что говорил (начиная с Самарии), сам я не бывал, однако другие пятеро англичан, что встретили меня в Иерусалиме, проследовали через Галилею и миновали их; от них-то я и принял сие описание, а взамен они получили от меня описание моего путешествия по Палестине.

---

[146] Имеются в виду Львиные ворота.

[147] Имеются в виду Яффские ворота.

[148] Оценки Тимберлейка удивительно точны; при этом следует принимать во внимание, что он указывал расстояния не по прямой, а по дорогам того времени.

[149] Имеется в виду озеро Кинерет (Геннисаретское).

Место, где Христос постился сорок дней и сорок ночей, именуемое Сорокадневной горой[150], отстоит от Иерусалима, как Челмсфорд от Лондона. Река Иордан (ближайшая ее часть) находится от Иерусалима на таком же расстоянии, как Эппинг от Лондона. Иерихон, а точнее ближний край его равнины, удален от Иерусалима, как Лоутон-Холл (дом сэра Роберта Рота[151]) от Лондона. Содомское и Гоморрское озеро отстоит от Иерусалима, как Грейвсенд от Лондона. Река Иордан впадает в это озеро и там иссякает; и это, на мой взгляд, одна из величайших тайн в мире — что пресная вода непрерывно течет в сие соленое озеро и не имеет никакого выхода, но там иссякает, а упомянутое озеро при этом остается столь соленым, что никакой груз (любой разумной плотности) не утонет в нем, но всегда держится на плаву: так, мертвый человек или скот никогда не пойдут ко дну. Более того, всё, что приносит в него река Иордан, имеющее хоть какой-то ощутимый вес помимо самой воды, постоянно остается на поверхности озера и, будучи гонимо там силой непогоды, превращается в застывшую пену. Пена эта, выбрасываемая на берега, становится своего рода черным веществом, подобным смоле, которое там зовут битумом; некоторую часть его я привез оттуда с собой. Озеро это имеет около восьми или девяти миль в ширину и сто миль в длину, простираясь с севера, где в него впадает Иордан, к югу, и более никакого выхода, который видел бы хоть один человек, оно не имеет.

Поле, где ангел благовествовал радость [Рождества Христова] пастухам, находится от Иерусалима на таком же расстоянии, как Гринвич от Лондона. Елеонская гора — как Боу от Лондона. Вифания — как Блэкуолл от Лондона. Виффагия — как Майл-Энд от Лондона. Гефсиманская долина — как Ратклиффские поля от Лондона. Поток Кедрон отстоит от Иерусалима, как ров за воротами Кингсгейт[152], что идёт к Тауэру, от Лондона. Гора Сион ныне так же примыкает к новому Иерусалиму, как Саутуарк к Лондону. Вот так, столь доходчиво, насколько мне позволило время, описал я вам расположение города Иерусалима и то, как расположены близлежащие земли, дабы через эти привычные сравнения вам было легче всё уразуметь.

44. Но перейдем теперь к самой поразительной вещи из всех — к тому, как точно исполнились Писания о том, что Иерусалим превратится в груду камней[153]. О достоверности и истинности сего способны поведать все, кто там бывал, размышляя и подмечая это так же глубоко, как то делал я — ибо на расстоянии пятнадцати или шестнадцати миль вокруг города (за исключением Иерихонской равнины) я не смог разглядеть никакой земли, кроме сплошной груды камней, да притом в таком невероятном изобилии, что я дивлюсь, как люди вообще могут здесь жить. Случилось так, что я сам, господин Джон Баррелл и мой мавр, находясь в пяти милях от города, расположились на ночлег прямо в поле; я послал мавра к стоявшему неподалеку дому, дабы купить нам немного хлеба, ибо нам было нечего есть. И он, вернувшись к нам, передал слова хозяина дома о том, что ни сам он, ни его дети никогда в своей жизни не ели хлеба — ибо столь бедно состояние этой страны, что человек может пройти десять миль, прежде чем увидит хоть лоскут земли, пригодный для прокорма лошади или коровы. И всё же земли вокруг — как Палестина с одной стороны, Галилея с другой, так и Сирия к западу[154] — суть самые прекрасные и изобильные края. И сам Иерусалим, который я чаял найти самым плодородным местом из всех, оказался самым бесплодным из тех, что я видел во всем своем странствии, за исключением разве что пустынь. Я не могу сравнить с ним по бесплодию ни одно место в Англии, разве что самые бесплодные пустоши Корнуолла, где нет ничего, кроме

---

[150] Скалистая гора близ Иерихона, которая отождествляется с тем местом, где, согласно Евангелию (напр., Мф. 4:1–11), Иисус Христос постился сорок дней и был искушаем диаволом. В наши дни там находится православный монастырь Искушения.

[151] Роберт Рот (Robert Wroth, ок. 1539–1606) — видный английский политик и крупный землевладелец.

[152] Ориг. Aldgate, букв. [ворота] Олдгейт. Вероятно, это ошибка наборщика в типографии.

[153] Тимберлейк имеет в виду ветхозаветные (Мих. 3:12, Иер. 26:18) и евангельские (Мф. 24:1–2, Лк. 19:41–44) пророчества о разрушении Иерусалима. Слова Тимберлейка (ориг. Jerusalem shall become a heap of stones) — цитата из Библии Епископов (Мих. 3:12, Иер. 26:18).

[154] Вероятно, это опечатка. Сирия находится к северу от Иерусалима, тогда как к западу расположена лишь небольшая полоска земли и Средиземное море.

скал и камней, и где камни, по рассказам местных жителей, сами растут день за днем и множатся всё больше и больше[155]. Говоря вкратце, пусть все, кто бывали там или отправятся туда впредь, судят праведно и без лести — и тогда они согласятся со мной, что Иерусалим и пятнадцать миль вокруг него во все стороны есть не что иное, как груда камней и самое бесплодное место во всей Месопотамии[156].

45. Я придерживаюсь мнения, что край сей совершенно оставлен Господом — ибо, воистину, большая часть населяющих его турок предается всевозможной самой отвратительной скверне, до такой степени, что живущие там христиане вынуждены выдавать своих детей замуж и женить в самом нежном возрасте, да пребудет то ведомо — даже в десять лет, из страха, как бы турки не осквернили их или не обратили в свою веру. Мальчиков они держат открыто и не стыдятся выставлять их у своих дверей, дабы похваляться, у кого из них самый миловидный. И, как рассказывали мне лучшие из [местных] христиан, нет в мире того греха, который не царил бы и не процветал в Иерусалиме — отчего они говорят о нём такие слова: «Terra sancta, è no mais»[157], что значит «Земля, святая лишь по названию». Но притом даже самый отъявленный неверный во всей этой стране зовет этот [город] именно так, ибо на арабском языке они величают его именем Аль-Кудс, что означает «святой»[158].

И вот, имея при себе грамоту[159], скрепленную большой печатью кустода, и, кроме того, свидетельство[160], удостоверяющее, что я омылся в водах Иордана, 31 марта я покинул Иерусалим в сопровождении своего мавра, который и вызволил меня из темницы.

Глава X: Путь через пустыню и возвращение (31 марта — 11 апреля 1601 года)

46. 31 [марта] ночью я прибыл в Рамоф Галаадский[161], 1 апреля — в Аскалон, а 2 [апреля] — в Газу, что лежит на самой границе пустыни. Там я нанял двоих диких арабов[162] с двумя дромадерами, дабы они доставили меня в город Великий Каир. Эти дикие арабы — не кто иные, как разбойники, ибо они ежедневно промышляют грабежом христиан, турок, мавров и вообще любых людей, за исключением лишь своего собственного племени. С этими двумя арабами и с моим мавром я выступил из Газы, не имея никаких иных спутников. И в тот день (а было то 3 апреля) мы гнали этих дромадеров столь жестоко, что к ночи я начал сильно изнемогать — отчего велел своему мавру передать арабам, что желаю поесть немного изюма и передохнуть.

47. Итак, мы все спешились — ибо ехали по двое на каждом животном, — и, привязав их, принялись за ужин. Тем временем один из дромадеров сорвался с привязи и побежал обратно, что заставило одного из арабов взять другое животное и тотчас пуститься в погоню. Второй араб отправился к развилке дорог за песчаным холмом и повернул туда, так что и люди, и животные скрылись из нашего вида. Тем временем стало смеркаться, и я, не имея иного спутника, кроме моего мавра, пошел один на вершину помянутого холма, дабы высмотреть кого-нибудь из своих разбойников — как вдруг заприметил еще четверых, направлявшихся

---

[155] Тимберлейк пересказывает суеверие, распространенное среди крестьян каменистых регионов Европы и Ближнего Востока. В основе этого феномена лежит процесс морозного пучения почв: замерзающая в подпочвенном слое влага расширяется и ежегодно выталкивает скрытые обломки скальной породы на поверхность пашен, что создавало у средневековых земледельцев иллюзию роста и размножения булыжников.

[156] Вероятно, описка Тимберлейка или ошибка наборщика.

[157] Эта фраза на сабире (см. сноску 28) представляет из себя смешение латинских и иберийских слов (лат. Terra sancta, искаж. порт. e não mais / исп. y no más); сам Тимберлейк переводит ее на английский так: «The Holy Land in name, and no more» (букв. Святая Земля по имени, и не более).

[158] Ориг. Cutse, араб. القدس, букв. святой. Начиная с IX века и до настоящего времени Аль-Кудс — общепринятое арабское название Иерусалима.

[159] Ориг. Patent.

[160] Ориг. Letter patent.

[161] Имеется в виду Рамла, см. сноску 1.

[162] Имеются в виду бедуины.

прямо ко мне. К тому времени, как я вернулся к месту, где оставил своего мавра, один из них уже наступал мне на пятки и велел мавру подвести меня к нему. Мавр ответил им, что у меня ничего нет, а двое из их же соплеменников должны за четыре дня доставить меня в Каир, и назвал им их имена. На это те возразили, что если сие правда, то они не причинят мне вреда; но если те двое не вернутся с животными, то они заберут в добычу нас обоих.

48. В то время мне нечего было терять, кроме одежды на моих плечах (которая даже при щедрой оценке стоила бы десять гроутов[163]) — ибо я пообещал тем двум арабам уплатить 24 золотые монеты, как только они доставят меня в Каир; однако более всего я опасался за свою жизнь. Часа через два оба моих разбойника вернулись, и тут я смог заметить, что те четверо и эти двое — заодно. Они дали им немного изюма и чуть-чуть воды, после чего те четверо немедленно удалились. И надо сказать, если бы со мной не было моего мавра, меня непременно угнали бы в неволю.

49. 4 [апреля] мы прибыли к месту, где у этих разбойников стояли шатры, и там они напоили меня верблюжьим молоком. Следующей же ночью мы пришли в Эль-Салихию[164] по ту сторону пустыни, где, будучи жестоко измучен тряской (хотя тело мое и было плотно обмотано полосами ткани[165]), я вынужден был оставить их и нанять двух лошадей. Дромадер — это животное, с виду подобное верблюду, только голова его меньше, ноги несколько длиннее, а шея совсем тонкая; и разница между дромадером и верблюдом, для сравнения, такова же, как между борзой и мастифом. В течение всех четырех дней, пока длился мой путь из Газы в Каир, я ни разу не видел, чтобы они ели или пили; говорят, они могут обходиться без воды десять дней, не делая ни глотка, однако без корма — меньше. Таким образом, на дромадерах я покрыл за четыре дня то же расстояние, на которое при выезде из Каира у меня ушло двенадцать дней. И всё же, несмотря на это, я полагаю, что хороший конь побежит быстрее, однако он никак не способен выдержать состязание с этим животным, чей шаг — рысь, или, если такое возможно, нечто еще более жесткое.

50. В Каире я расплатился с моими разбойниками и заплатил за двух лошадей, отпустив их, а моему честному мавру вручил шесть золотых монет, вместе с кое-какими другими вещами к его полному удовольствию, и отправил его в Мекку вместе с караваном. 7 [апреля] я оставался в Каире весь день, а ночью прибыл в Булак[166], где сел на лодку. 10 апреля в девять часов утра я прибыл в Розетту[167], где, взяв лошадь в сопровождении янычара, доскакал той же ночью до

---

[163] Английский гроут (groat) — серебряная монета, равнявшаяся в новое время 4 пенсам. Сумма в 10 гроутов составляла 40 пенсов, или 3 шиллинга и 4 пенса, что по покупательной способности в Англии начала XVII века эквивалентно примерно 50 современным долларам США. Ироничное замечание Тимберлейка о том, что одежда на его плечах была оценена в эту ничтожную сумму, призвано подчеркнуть крайнюю степень его материального истощения после пребывания в иерусалимской тюрьме. Контраст между ветхостью гардероба автора и его способностью гарантировать бедуинам вознаграждение в 24 золотые монеты (84 г золота, по покупательной способности в Англии — около 4500 современных долларов США, а в османской Палестине — примерно 11 тысяч современных долларов США; на эти деньги бедуины могли приобрести 3–5 хороших верблюдов или 30–40 овец) показывает силу «купеческого слова».

[164] Тот факт, что Тимберлейк преодолел путь от Газы до Эль-Салихии (ок. 270–290 км по дорогам) всего за 4 дня, подтверждает высокую скорость передвижения на дромадерах, поскольку обычные торговые караваны тратили на этот Синайский переход от 10 до 12 дней. Вынужденная замена автором верблюдов на лошадей в этой точке вызвана тем, что дальнейший путь к Каиру пролегал по твердым дорогам дельты, где использование дромадеров теряло свои преимущества.

[165] Тугое бинтование торса применялось бедуинами для предотвращения травм при скачке.

[166] Ориг. Bollake, араб. بولاق — исторический северо-западный пригород и главный речной порт Каира на Ниле. Первоначально, в XII–XIII веках, эта территория представляла собой остров, но в результате постепенного изменения русла реки и намыва ила к XV веку Булак соединился с правым берегом Нила и превратился в главную торговую гавань египетской столицы. Во времена Тимберлейка Булак являлся важным торгово-логистическим центром.

[167] Розетта — традиционное европейское название египетского порта Рашид (араб. رشيد), расположенного на левом берегу одноименного западного рукава Нила, в 65 км к северо-востоку от Александрии. Основанный в IX веке на месте древнего Болбитина, Рашид пережил экономический взлет после османского завоевания Египта (1517).

стен Александрии, где и провел всю ночь [под открытым небом], поскольку городские ворота заперли еще до моего прибытия. Наутро же, 11 [апреля], я взошел на борт своего корабля «Троянец» в полном здравии и безопасности, пробыв в своем паломничестве из Александрии ровно 50 дней[168] — за что я благодарю Бога.

Конец.

Поскольку старая гавань Александрии в этот период сильно заилилась, именно Рашид превратился в главные морские ворота Египта.

[168] Сопоставление дат показывает, что всё путешествие Тимберлейка заняло у него 33 дня, из которых он пробыл в Иерусалиме и окрестностях менее недели. Однако эти числа не учитывают время, проведенное в Египте с момента прибытия «Троянца» в Александрию до 9 марта, когда Тимберлейк начал свой путь из Каира.